

АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВИЧ

ТРИ ПОСЛЕДНИХ
САМОДЕРЖЦА

Александра Богданович
Три последних самодержца

«Public Domain»

1912

Богданович А. В.

Три последних самодержца / А. В. Богданович — «Public Domain», 1912

Александру Викторовну Богданович знал весь Петербург, размещавшись в трех высших этажах «табели о рангах»; в её гостеприимном салоне собирались министры и губернаторы, митрополиты и фрейлины, дипломаты и литераторы. Тридцать три года Богданович кропотливо записывала в дневник все казавшееся ей достойным внимания, хотя и не претендовала на роль историографа трех последних императоров. Несмотря на отсутствие глубокого политического анализа происходящего, она достаточно подробно и с большой долей достоверности сумела зафиксировать многие события, имевшие место в период с 1879 по 1912 год.

© Богданович А. В., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

1879 год	5
1880 год	10
1881 год	23
1888 год	39
1889 год	56
1890 год	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александра Викторовна Богданович

Три последних самодержца

1879 год

11 февраля.

Сегодня, как громом, меня поразило известие о покушении на жизнь Кропоткина. Рана, говорят, смертельная. Неужели опять начнется ряд убийств? Того гляди, что они снова взволнуют всю Россию. И как до сих пор не найти нити, откуда все это исходит? Опять убийца не пойман...

Мельников рассказывал: когда к Суворову приехал гр. Евдокимов, после того как получил Андреевскую звезду, Суворов его спросил: «Ожидали ли вы, когда были военным писцом, дожить до таких великих почестей?» На это Евдокимов отвечал: «Ожидал ли когда-нибудь знаменитый полководец Суворов, что у него будет такой внук, который известен своей глупостью и нетрезвым поведением?» Нельзя обоих похвалить, оба слишком резко выражались.

12 февраля.

Много говорят, что в беспорядках принимает участие одно высокостоящее лицо. Москва называет Константина Николаевича, которому не добраться никогда до верховной власти, оттого, говорят, он и мутит... Еще ребенком он говорил, что он должен наследовать, что он – сын царя, а наш царь – сын наследника.

14 февраля.

Опять масса необъяснимых фактов, порожденных прошлогодним оправданием Веры Засулич. Убийство Кропоткина (так же метко поражен, как Мезенцев), воскресная история в Киеве, где стреляла толпа залпами в полицию и жандармов (до сих пор все еще сбивчивые сведения), – как говорят, осталось на улице 4 раненых, 1 убитый. Вчера по городу явились прокламации, извещающие, что социалисты «казнили» Кропоткина. До сих пор горсть людей действует безнаказанно, тревожит целое государство – и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом. И что же, – мы все удивляемся и недоумеваем, что нам делать. Утром объявлен арестанту приговор, что он будет судим военным судом, вечером – месть за арестанта Фомина, и Кропоткин сражен пулею. Точно так же было и с Мезенцевым. В день его убийства был исполнен приговор в Одессе над арестантом Ковальским, которого расстреляли, – они отомстили за Ковальского убийством шефа.

Петербург – чума. Объявил Боткин. Вот шарлатан! Он этим известием разоряет Россию, действует на руку Биконсфильду. Такие люди опасны. Теперь он – спаситель России, спаситель царствующего дома. Вследствие этого известия и мер, принятых для удаления больных, он является охранителем всего Петербурга. Что теперь скажут в Германии и Австрии? Теперь от нас совершенно запрутся.

10 марта.

Найдены две типографии социалистов – на Голодае и на Гутуевском острове. Замешано много людей, ежедневные аресты, замешаны артиллеристы, говорят – 11 человек, называют Зиновьева, Васильева. Вышла прокламация, также номер их социалистического журнала,

дурно напечатанный; они извиняются, что у них остался только дурной шрифт, хороший у них отняли. Все это напечатано. Вот дерзость! Главных никто никак не заберет.

11 марта.

Читала сегодня все газеты, Суворин в своем фельетоне нападает на жидов, говорит о совместном путешествии старца Краевского с Поляковым, жидом, потом переходит к Цитовичу, который сделался так популярен своими брошюрами, волнуящими умы молодежи. Он находит, что, несмотря на то что эти брошюры написаны с разрешения правительства, не мешало бы к ним написать следующий эпиграф: «Подцензурный период печати, чтение между строк и умение писать так, чтобы можно было читать между строк, внесли в общество сумятицу». Совершенно справедливо. Много толков и беспорядков вызвали эти брошюры, якобы написанные с разрешения правительства.

Пример выдающегося факта из одесской практики. Отставной солдат наступил на улице на шлейф местной аристократки. Местный жрец Фемиды приговорил его к двухнедельному аресту, мотивируя свое решение «оскорблением действием известной части тела», очевидно, на сей раз принимая шлейф за известную часть тела.

Фельдмаршала Барятинского с почестями хоронили в его имении «Деревеньках» по Курско-Киевской дороге. Человек, любивший быть окруженным и иметь двор, умирает один в деревне. Некому было известить государя. Узнали только на второй день.

13 марта.

«Молва» нападает на И. С. Аксакова и говорит, чтобы он выбирал одно из двух: или славянская пропаганда, или управление банком; или правильность банковых операций, или благотворительность.

Опять новое покушение, но, слава богу, не удавшееся. Стреляли в Дрентельна, который не ранен. Пробило оба стекла в карете. Дрентельн гнался за убийцей, но тот успел скрыться. Удивляюсь ненаходчивости полиции: видеть человека, верхом скачущего, за ним карету, догоняющую ездока, и не преследовать! Дрентельн даже выскочил из кареты, сел на извозчика, но в ту же минуту увидел лошадь в руках городского; седок же успел взять извозчика и скрыться.

Во время предания земле в Москве тела убитого князя Кропоткина преосвященный Амвросий сказал слово, в котором развивал мысль, что во всех этих беспорядках виновато «передовое сословие». Говорят, что он этим хотел укорить дворянское сословие, что многие отстали от церкви, что теперь проповедуют свободу совести, свободу слова, что мало интересуются вопросами религии.

14 марта.

Говорили много о покушении на жизнь Дрентельна. Многие говорят, что встречали на улицах много дурно одетых статских верхами, которые близко подъезжают к разным экипажам, вероятно, приучая лошадей.

Рассказывают, что три или четыре дня тому назад у Дрентельна обедали двое его приятелей. После обеда они перешли в кабинет, где на столе увидели социалистический журнал «Земля и воля». Номер был не тщательно напечатан. Дрентельн сделал это замечание и нашел, что довольно литературно написано. На другой день он получил письмо, в котором социалисты его благодарят за то, что нашел, что хорошо написано, что само правительство виновато, что дурно напечатано, но обещают, что скоро это исправят. Вот люди!..

17 марта.

Вчера обед очень удался. Говорили о Дрентельне, о покушении на его жизнь. Рассказывали, что в последнее время за ним все следил переодетый человек сыскной полиции. Уже раз тот или другой верховой преследовал его карету, вынул револьвер. Переодетый сыщик сделал то же, тогда незнакомец быстро скрылся. В день покушения полицейский не тотчас поехал за Дрентельном, который в этот день выехал из дому ранее обыкновенного. Все это было рассказано Зуровым, который должен хорошо знать.

2 апреля.

Утром, в 9 часов, злодей стрелял в государя, но бог спас царя.

Собранные и рассказанные разными лицами подробности.

Маков, видевший государя через полчаса после покушения, рассказывал, что государь сам ему говорил, что, пройдя Певческий мост, с ним встретился человек в штатском пальто, в фуражке с кокардой, который, поравнявшись с государем, остановился и отдал ему честь. Лицо этого человека обратило на себя внимание царя. Он невольно обернулся и в ту же минуту увидел пистолет, направленный на него. Оборотившись, государь миновал опасности. Пуля пробила стену дворца, где и засела. Злодей прицелился во второй раз – царь уклонился влево, преступник прицелился в третий раз – царь опять уклонился. В это время подошел жандармский офицер Кох, который свалил преступника, который успел дать еще два выстрела. Одним из них ранен переодетый стражник Милошевич. В это время выскочил из своей квартиры Павел Андреевич Шувалов. Государь сел в его коляску и подъехал ко дворцу. Маков видел его уже совершенно спокойным.

Салов приехал из дворца. Государь очень громко, очень спокойно говорил в Белой зале собравшимся дворянам. 10 минут «ура» не прекращалось, говорят, не запомнят такого восторга, многие плакали. Салову говорили, что государь узнал, что его спасло. Государь высокого роста; человек, который стрелял, тоже высокого роста. Слава богу, что этому не удалось убежать.

Е. В. встретил Николая Николаевича. Он положительно летел в коляске во дворец, адъютант на козлах. Потом обратно, влетел в Конногвардейские казармы объявить о страшном случае. Михаил Николаевич, узнав, без фуражки прибежал во дворец.

Змачинский говорил, что государь, убегая от злодея, потерял фуражку. Е. В. посоветовал этому офицеру не распускать таких слухов, особенно ему, фамилия которого оканчивается на «ский».

Митрополит рассказывал, что царь пришел очень осторожно объявить об этом императрице, чтобы ее не напугали другие. Сказал, что господь в третий раз спас его от руки убийцы.

Бильбасов рассказывал, что он с женой был в толпе, ожидая появления государя на балконе. Он услышал слова: «Если патриот – кричи ура, если социалист – то молчи». Слова эти были произнесены человеком, одетым мастеровым; народ, близ стоявший, спокойно их слышал и ничего с этим человеком не сделал.

Косаговский видел злодея, говорит, что противная рожа (его слова). Он принял яд, цианистый калий, который был у него в ногтях, но не отравился. Его стало рвать, потом ему дали antidоты. Одет был сверху прилично. а когда сняли чистую рубашку, под ней оказалась старая грязная ситцевая рубашка. Назвался он отставным чиновником Соколовым, служил, говорит, в Министерстве финансов, потом говорит, что у него много фамилий. Стрелял в государя, потому что не доволен, как он управляет...

Когда Косаговский подошел к злодею, тот, услышав его имя, открыл глаза и посмотрел на него. Косаговский говорил: верно, посмотрел на меня, чтоб заметить мое лицо, в случае, если ему придется убежать... Все время лежит без движения, отказывается есть, курить, глаза закрыты.

Бильбасов рассказывал, что за 5 дней до покушения германское тайное агентство прислало зашифрованные телеграммы на имя Адлерберга, а потом депеши к Дрентельну, спрашивая его, что они, т. е. русское правительство, намерены предпринять по получении этих телеграмм. Дрентельн будто бы отвечал, что он никаких депеш не получал и не знает, почему ему делают этот вопрос, что никаких депеш они не посылали. По вторичному утверждению в посылке ими депеш было преступлено к разведыванию, где находятся эти депеши. Они оказались на столе у Адлерберга, который никогда не берет на себя труда что-либо распечатать.

Берлинский тайный комитет извещал, что социалисты намереваются сделать покушение на жизнь государя, или на обоих разом – царя и наследника, или же на всю семью царскую одновременно, но что покушение будет непременно. И такая депеша лежит нераспечатанная на столе у ленивого министра!

3 апреля.

Вчера Маков рассказывал, что три дня сряду около дворца бросали маленького формата листки с надписью: «Смерть злодею, смерть тирану!». Один такой листок был поднят самим государем.

Вечером рассказывали, что убийца был не один. Один, видя своего товарища схваченным, укрылся, и его не нашли. Другой вбежал в ворота Главного штаба, ворота оцепили, и до сей минуты он еще не найден. Говорят, был извозчик, который их ожидал. По рассказам одних: государь бежал, за ним убийца, и государь кричал: «Спасите меня!» Поравнявшись с комендантским подъездом, навстречу государю вышел один из гренадеров дворцовой роты и повалил злодея. В народе говорят, что этот фельдфебель, спасший царя, произведен в офицеры. Имя преступника – Соловьев.

Говорят также, что задержана та карета, из которой был сделан выстрел в Измайловском полку в генерала; она стояла в ожидании этого Соловьева, который должен был с извозчика пересест в нее и спешить на Варшавский вокзал к 11-часовому поезду. Все было предусмотрено, чтобы в случае удачи они могли попасть на поезд. В карете находился какой-то человек, но скрывают кто и взят ли.

4 апреля.

Сегодня все редакторы *in corpore* (В полном составе (*лат.*)) были у Макова. Оттуда приехал Бильбасов, очень взволнованный, и рассказал, что там произошло. Маков обратился к редакторам с речью, в которой говорил, что за последнее время все газеты говорили много лишнего, особенно четыре газеты распространяли ложные, тенденциозные известия. Из них три: «Неделя», «Русская правда» и «Русский мир» уже закрыты, а что касается четвертой, «Голоса», – он обратился к председателю цензуры Григорьеву и сказал: «Прошу закрыть эту газету на 6 месяцев, дав ей 3-е предостережение за передовую статью, где разбираются слова «*Republique francaise*» (Французская республика (*франц.*)) и где об этом преступлении говорится: «...столь же мало оправданное, сколь и бесполезное». Вообще эта газета давно уже имеет вредное направление и пагубно влияет на общество». Бильбасов прервал его, сказав, что он, Маков, не прочитал статьи, о которой говорит, что депеша, о которой говорится в этой передовой статье, была напечатана в «Правит. Вестнике» и пропущена цензурой. Бильбасов требовал сейчас же проверить. Маков ушел в кабинет, куда вскоре призвал Бильбасова и просил его извинения, говорил, что не понял так статью. Бильбасов сказал, что ему очень тяжело, что Маков, которого он уважает, заподозрил его в солидарности с темными подпольными людьми и т. д. Маков сказал, что поспешит взять назад свое распоряжение о закрытии «Голоса». Бильбасов ответил, что, будь он сам редактором, сегодня же он закрыл бы газету сам.

Говорят, в Ростове-на-Дону – бунт. Население освободило преступников из следственной тюрьмы, разнесло государственный банк. Казаки, посланные усмирить мятежников, отказались повиноваться и не пошли.

Государь сегодня проехал по Большой Морской в открытой коляске, казак на козлах и два верхом сзади. Тяжело это видеть.

Маркевич говорил, что Милютин после выстрела сказал Михаилу Николаевичу, что такие явления в духе времени.

Попов, адмирал, сказал Е. В., что он знает из достоверных источников, что преступник Соловьев очень проговаривается, что произведены многие аресты, очень серьезные.

6 апреля.

Е. В. утром был у Посьета. Был Михневич. Условились втроем, что необходимо уничтожить самонадеянную барановскую комиссию, которая совсем не имеет *raison d'être* (Смысла (*франц.*)). Необходима комиссия при Министерстве путей сообщения и очень вредна вне его влияния, особенно находясь в руках такого фокусника, как Анненков.

Граф Ростовцев, разжалованный за антирусскую переписку с Герценом и теперь находящийся при вел. кн. Николае Константиновиче, который теперь в штатском платье, без права носить мундир, находится в Самаре, говорил сегодня об этом молодом человеке, что он положительно серьезен, любит учиться, большой семьянин.

Сегодня в «Правит. вестнике» напечатан указ Сенату. Петербург объявлен на военном положении, генерал Гурко назначен помощником к командующему войсками вел. кн. Николаю Николаевичу с правами генерал-губернатора.

Усилена власть московского и киевского генерал-губернаторов, и временно будут назначены генерал-губернаторы в Одессу и Харьков. Давно пора!

1880 год

3 января.

Утром Е. В. получил интересное письмо от Баранова, в котором он, между прочим, пишет: «Выезжаю только по требованию начальства, стараясь нигде не показываться. Выехать в форме я уже не могу, а в штатском я еще не могу». Ужасное теперь его положение, но и Лесовского не лучше.

6 января.

Из новых личностей Черевин не произвел на меня того впечатления, какого я от него ожидала: тихий на вид, умно смотрит. Хотя и говорят, что при дамах молчит, но у нас разговаривался.

19 января.

Напали наконец на типографию, где печаталась масса прокламаций. Напали совершенно случайно, бессознательно: искали одного подозрительного человека, а вместо того нашли целую шайку.

21 января.

Был генерал Савельев. Рассказывал, как раскрыли социалистов в Саперном переулке. Полиция производила обыкновенный вседневный обыск, обыск, какие делаются каждую ночь в 40 или 30 квартирах не служащих или учащейся молодежи, которая живет не в доме родных. Делая такой обыск, набрали на них, но они до сих пор не знают.

Разговоры о взятой типографии не прекращаются, у всякого есть своя подробность, ни с чем иногда несообразная. Всякий хочет знать больше другого. Одно только меня страшно поражает, что можно 3 года жить в центре города, печатать целый журнал, приносить шрифты, выносить массу прокламаций, собирать сомнительную молодежь, жить в большой квартире двум женщинам и трем мужчинам без прислуги, – все это на глазах дворников, полиции, почти с ее ведома. И за это получила эта полиция громадные награды, за то, что совсем случайно накрыла это социалистическое гнездо. Ночью разбудили государя оповестить об этом событии, разбудили в 5^{1/2} часов – какая дерзость! Это дело полиции – знать и следить за жильцами, а она хвалится открытием этой шайки после 3^{1/2} – летнего, как оказывается, существования на том же месте, в той же квартире, за которую платили 1500 руб.

22 января.

Суворин много рассказывал интересного. Графиню Гендрикову выслали из Петербурга по высочайшему повелению в 24 часа. Ее уже давно недолюбливает государь; прежде за ней ухаживал, потом бросил, – она ему стала надоедать. В Ливадию в этом году ее не пустили. Она всюду старалась пролезть. Написала письмо, говорят, дерзкое, государю, ездила просить генерал-губернатора отправить в казенном пакете ее частное письмо, так как от нее на почту не принимали, – не успела никого склонить. Наконец в Петербурге на ее просьбу согласился Дрентельн, который ничего не знал, что письмо это будет неприятно. Потом эта барыня громко везде ругала государя, что он – *un vieux ramolli* (Старый маразматик (*франц.*)) и проч. Когда после смотра кирасиров послана была депеша шефу, что полк в блистательном порядке, – эта депеша тоже подверглась критике. Вот почему и попросили уехать подброду.

28 января.

Гейнс читал сегодня свою записку. Очень дельно и хорошо написано. Он рисует картину современного состояния России в очень мрачных красках. Меры, которые он предлагает, чтобы избавиться от людей беспорядка, – очень дельные, но вряд ли их применят. У нас всегда хорошее остается без внимания.

29 января.

Граф Игнатьев с первого разу не может произвести хорошего впечатления. Он некрасивее всего того, что можно себе вообразить. Большое широкое лицо, довольно длинно обстриженные волосы, небольшой рост, неприятное выражение глаз, все черты несимпатичные – вот портрет человека, о котором так долго говорила вся Европа во время войны 1877–1878 годов. Когда он говорит, любит, чтобы его больше слушали. Говорит хорошо. Его записка о Нижегородской ярмарке очень дельно написана, видно, что он с большой наблюдательностью отнесся к этому делу. Обе записки, и Игнатьева, и Гейнса, рисуют в черном положение России.

Первый предлагает меры для ярмарки, второй, чтобы уничтожить нигилистов, предлагает:

1) дать рабочему люду занятия, сделать то, что сделал Наполеон в Париже: начать разные сооружения и, главное, устроить ирригацию в южных губерниях, которым угрожает голод;

2) снять налог на соль, а, чтобы возместить казне эти 12 млн., наложить на керосин и на минеральные масла, а также на ввозные товары;

3) устроить больше реальных школ;

4) переменить губернские учреждения, уничтожить губернских советников, вице-губернаторов, а создать обер-полицмейстеров и отдать усиленную полицию в руки губернаторов, власть которых необходимо усилить. Временных же генерал-губернаторов совершенно уничтожить, как вредное и никуда не годное, дорого стоящее правительству учреждение. Эту записку, верно, не одобрит Игнатьев, так как сам был генерал-губернатором и им до сих пор состоит.

31 января.

Про митрополита киевского Арсения рассказывают, что он очень любил скромные анекдоты. Раз, когда он такой рассказал при императрице, Дондуков ему заметил, обращаясь к царице: «*Son éminence aime les diners lourds et les conversations legeres*» (Его преосвященство любит тяжелую пищу и легкие разговоры (*франц.*)).

В 7-м часу в подвальном этаже дворца, под тем помещением, где находится караул, произведен взрыв, лопнула газовая труба, но вряд ли лопнула без посторонней помощи. Удар был так силен, что свод взорван, перебиты стекла, и, как оказывается, еще убито в карауле, где находился Финляндский полк, 5 человек солдат, 12 тяжело ранено и около 25 человек получили ожоги. В ту минуту, когда происходил взрыв, государь вышел из своего кабинета в тронную залу встречать принца Александра Гессенского, приехавшего во дворец обедать. Огонь показался из душников в комнате, где находился государь, запах порошу был весьма силен, и мгновенно освещение в комнате потухло. Взрыв был так силен, что было слышно на площади. В Главном штабе не могли понять, отчего в пушки стали стрелять.

Принц Гессенский приехал вчера же из-за границы в 6 часов вечера, и по этому случаю обед был отложен до 6 ¹/₂ часов. Злоумышленники не рассчитали, не знали, что обед отложен на полчаса. Когда в столовой произошел взрыв, там никого не было. Говорят, последствия взрыва ужасны. Вся столовая, а по рассказам других – часть столовой, пострадала. Они раз-мерили время, чтобы взорвать тогда, когда все будут сидеть за столом, но не рассчитали, что

поезд Гессенского может опоздать и что обед могут отложить, что и случилось. Взрыв был сделан под тем помещением, где находится караул. Внизу помещались столяры, и, говорят, к ним-то и был внесен ящик с динамитом. Было их 10 человек; 8 взяты, а двух никак не разыщут. Тотлебену поручено разрывать убитых и раненых. Теперь уже оказывается, что 10 убитых и 48 раненых, всех же солдат бывает иногда в караульной до 200 человек, так как туда приходят отдыхать те, которые сменяются со своих постов внутри дворца.

1 февраля.

Были у Фере. Она нам рассказывала подробности насчет взятой типографии. Эти люди жили всего 4 месяца – и того довольно – под фамилией Лысенко. Теперь они уже вышли из моды; найдется третья, и вторую забудут, которая печатала «Черный передел», так звали, кажется, этот журнал.

5 февраля.

Были у митрополита Исидора. Приехав домой, узнали о новом злодействе нигилистов: произвели взрыв в Зимнем дворце. Сегодня всех редакторов в 3 часа собрал Маков, и они все им остались очень довольны. Какой ужас! Что было бы, если бы они сумели взорвать часть дворца. Они метили на ту часть, где находится кабинет государя.

6 февраля.

Был большой выход во дворце. Государь, очень расстроенный, но на вид спокойный, сказал несколько слов, которые не мог кончить без слез, сказал, что надеется, что народ ему поможет сокрушить крамолу, что господь его спас еще раз, что надеется на всех, что необходимо искоренить зло. Город украшен флагами.

7 февраля.

Утром масса народу. Каждый рассказывает и ужасается, что именно во дворце злоумышленники избрали место для своих злодейств. Правда, верится с трудом. Нет еще никаких правительственных оповещений. Кутайсов кричит, что надо выгнать Макова, ему он всех противнее. Но надо отдать справедливость: лучше ли при Макове, чем было при Тимашеве? Тогда он работал за Тимашева, а Перфильев-то за него не работает, да и работать не умеет.

Был Бобриков. Рассказывал подробности похорон убитых финляндцев. На одном катафалке стояло 10 гробов. Первый гроб вынесли генерал-адъютанты, остальные – офицеры полка и гвардейского корпуса. Государь вчера был на панихиде. Шеф полка, вел. кн. Константин, был во все время отпевания и погребения.

8 февраля.

У Гейнса была страшная сцена с Тотлебенем по поводу записки, которую Гейнс передал цесаревичу. Тотлебен ему сказал, что он смущает и путает неопытного молодого человека. Лорису Тотлебен очень ругал Гейнса, назвав его жидом и т. д., но Лорис, кажется, не разделяет мнения своего коллеги.

9 февраля.

Был Зейфорт. Ему сегодня митрополит сделал выговор, что дворяне себя мало показывают во время торжественных молебнов в Исаакиевском соборе – они присутствуют, но не в мундирах, а в партикулярных платьях.

11 февраля.

Суворин рассказывал про впечатление о взрыве в Зимнем дворце. Клейст, Мейер, Кушелев, Курис – один сменял другого.

Рассказы про то, каким образом государь сказал, что обманулся в друзьях. Трудно верить: говорят, Гейнс сказал эти слова про государя у Пратасовой. Трудно верится, что так мало охраняют царя. Теперь у него собираются ежедневно Комитеты, но к чему все это поведет, когда у государя такие советчики, которые боятся только одного – потерять портфель министра?

Говорят, что Лорису предстоит занять здесь важный административный пост. Сегодня его сделали членом Гос. совета. Побольше бы таких деятельных людей – и дело пойдет лучше.

Вчера сгорела Петровская земледельческая академия близ Москвы.

До чего доходит неблагодарность и несправедливость! В истории взрыва во дворце всего более виноват Адлерберг, малое дитя это поймет. Оказывается же на деле, что не он, а Гурко, хотя Гурко просил осмотреть дворцовые подвалы, но ему в этом было отказано. Теперь же, когда собрался совет у государя под его председательством, Гурко не был допущен в залу заседания, а ожидал в другой комнате.

Теперь, кажется, начинает подниматься звезда Лориса. Дай ему бог все это привести в порядок. Гурко с самого начала говорил, что он ничего не смыслит в администрации, притом у него страшный дурак правитель канцелярии. Не то можно сказать про Скальковского – он очень дельный и работающий.

Многие опасаются страшных бедствий 19-го. Рождественский говорил, что под малою церковью Зимнего дворца найдено несколько пудов динамита. Неужели французское правительство не выдаст нашему знаменитого Гартмана? Странно будет, если такого человека – и не возьмут. Говорят, что нет у нас с ними конвенции на выдачу преступников, но это событие *hors ligne* (Из ряда вой выходящее (*франц.*)) – подкоп под полотно железной дороги; теперь уже признано, что он этим занимался.

12 февраля.

По словам Львовского, теперь в соборе ежедневно осматривают подвалы – неровен час, может, и туда подсыплют динамита, благо, что его так легко теперь делают.

Слышала, что по поводу доклада начальника берлинской полиции Мадае император Вильгельм выразил удивление, что не было обращено внимания на предостережения и сведения, доставленные еще в декабре месяце Мадаем в Петербург о проектируемых нигилистами покушениях. Вторично покушению предшествовали предостережения из Берлина, и опять ничего не было сделано, чтобы предотвратить это ужасное событие.

Сегодня Каульбарс нам рассказывал, что пойманный рабочий проговорился, что они дежурили по часам с другим товарищем, который спал. Первый рабочий, оставшийся на часах, не разбудил вовремя товарища, остался часом позднее. На вопрос, почему он так сделал, отвечал, что слышал, что готовится взрыв, и желал узнать, в чем дело. Очень нелепый ответ.

13 февраля.

Трудно записывать все те глупости, которые слышишь. Один рассказывает, что будет испорчена машина водопроводная в Петербурге – останемся без воды, другой, что были получены печатные листки в казармах Преображенских, Конногвардейских и 8-м флотском экипаже, что они будут взорваны; говорят, найдена мина у дома Плаутина, что вторично во дворце было какое-то несчастье, что продолжают находить динамит, что Зуров, проходя во дворце, узнал в одном из разодетых лакеев выгнанного им за пьянство и буйство городского,

что какая-то судьба всегда удаляет из Петербурга Константина Николаевича, когда что-либо такое случается, что вторично неосторожная лампа падает и сжигает на столе бумаги.

Город наполнен нелепыми слухами, все чего-то боятся, многие выезжают или собираются уехать, аресты продолжаются, также продолжаются и загадочные убийства.

Два дня тому назад убили дворника, который донес о существовании типографии на Васильевском острове. Пришли мужчина и женщина нанимать квартиру; он показал, и тут-то произошла экзекуция. Мужчина и его спутница скрылись.

Теперь назначен главным после царя, можно сказать, Лорис, ему даны большие полномочия. Справится ли он с этой работой?

14 февраля.

Гартмана привезли. Теперь, надеюсь, он уже не уйдет из рук правительства. Помогли открыть, кто он такой, часы. Дело было так: пришел молодой человек покупать один минный прибор. За него запросили в Париже 800 руб. У него не было достаточно денег, и он за прибор заплатил часами, прибавив немного денег. Когда стали искать, у кого были куплены эти дорогие часы, оказалось, что в Петербурге одна знатная дама подарила эти часы одному известному Гартману, а тот уже передал их своему племяннику. Таким образом узнали о фамилии Гартмана, которого давно искали.

Сегодня напечатано воззвание к жителям столицы, где Лорис обращается ко всем обывателям и возлагает на них надежду, что они помогут ему сокрушить зло, что он, со своей стороны, употребит все силы, все свое умение, чтобы вернуть порядок в России, возвратить ей прежнее благосостояние. Теперь Лорису даны права премьер-министра, ему подчинены все генерал-губернаторы, все ведомства, не исключая и военного. У него болезненный вид, дай бог, чтобы он был здоров. По мне, он очень милый; когда его ближе знаешь, подпадаешь решительно под то обаяние, которое невольно он внушает всем тем, которые его окружают. «Голос» в передовой приветствует его назначение и приводит девиз графа Лориса: «Сила не в силе, сила в любви».

16 февраля.

Был Батъянов, которого вытребовал Лорис состоять в его распоряжении. Батъянов очень, кажется, умный. Можно только поздравить Лориса, если он себя такими окружит. Кроме него еще назначены состоять при Лорисе Черевин и кн. Вяземский.

Был также Кутайсов, просился тоже у Лориса к нему, но тот ему отвечал, что государь ему назначает, – понимай, как знаешь. Батъянов говорил, что теперь, кроме мер предохранительных, до 20-го они не будут других предпринимать, чтобы эти числа прошли покойно. 19-го в 10 часов утра будет выход государя к войскам, собранным возле дворца принести поздравления его величеству. Этого не будет объявлено в газетах.

В субботу, когда государь назначил Лориса председателем верховной комиссии, он был дежурным. Когда собрались министры в экстренный совет к государю, он его тоже позвал, посадил рядом с собой и объявил всем свою волю. Лорис был очень удивлен и взволнован этой неожиданностью и тою ответственностью, какая на него возлагалась высочайшей волею, но преклонился перед нею.

17 февраля.

Была у митрополита. Он рассказывал, что получил письмо от одной дамы с фразой, что ему достанется, что ему не избавиться казни.

Нам рассказывали, что Толстой получил письмо, где ему советуют опомниться, просить наставлений архипастырских у трех митрополитов, которых, в свою очередь, просят его увещевать бросить свои классические бредни.

18 февраля.

Редко случаются такие дни, как завтра, редко их переживают народы. Как пройдет завтрашний день? Все меры старались принять, но враг силен на выдумки. 300 студентов остались без крова, убыток – 500 тыс. Говорят. – поджог, подожгли в то время, когда производился обыск у студентов. Угрожают 19-го взорвать весь Петербург.

Про Дельсаль рассказывают, что он во время взрыва находился с Гротом и Голицыным на Салтыковском подъезде, ожидая прибытия принца Гессенского, который в прошлый раз подъехал с этого подъезда. Но 5-го принц подъехал к другому подъезду. Грот и Голицын поспешили туда, но так как Дельсаль болел ногою и не мог скоро подняться на лестницу, то сел в подъемную машину, которую поднимали в минуту катастрофы и не подняли, а оставили между небом и землей на воздухе, где он оставался четверть часа забытый, так как служители, которые его поднимали, – одного контузило, другой с испугу убежал. Вот наказание, которое он вполне заслужил.

Такое движение в городе, точно канун святого светлого праздника. Сегодня у Исаакия была панихида по царе Николае. Масса военных собралась к этому времени в соборе. Е. В. встретил там Лориса.

Он был очень озабочен

19 февраля.

Вчера в час ночи через Зурова Е. В. была прислана от Лориса депеша полтавского губернатора, извещающая, что завтра во время обедни будет взорван Исаакиевский собор. Е. В., взяв сторожей, ходил по всем катакомбам собора, причем сторожа лазали в печи, все осмотрели.

Сегодня на выходе государь не сказал никакого спича, молча приветливо кланялся.

20 февраля.

Сегодня в третьем часу дня Лорис возвращался домой, когда дурно одетый человек, на вид лет 30, поджидавший его на углу Почтамтской и Б. Морской, выскочив из своей засады, выстрелил в него в упор в правый бок. Шинель спасла графа, пуля скользнула по шинели, разорвав ее в трех местах, а также и мундир. Но, слава богу, Лорис остался невредим. Преступника тотчас схватили. Оказался еврей переkreщенный, но находящийся под надзором полиции. Лорис, когда почувствовал дуло пистолета, размахнулся на убийцу, что, верно, и спасло его. Граф сказал: «Меня пуля не берет, а этот паршивец думал убить меня». После покушения у Лориса собрались цесаревич, вся семья царская, министры, послы, много обывателей. Батянов говорил, что вид преступника мерзкий, гадкий, так и хотелось его поколотить. Его повесят послезавтра. Преступник сказал, что если ему сегодня не удалось, то, может, наверное, удастся другому. Какая ужасная у них лига!

Губонин, вспоминая восшествие на престол государя, рассказал, что 25 лет назад, когда ударили в колокол у Василия Великого в Москве к присяге государю Александру II, колокол оборвался и с шумом упал, а был только что починен и повешен к коронации. Станный случай.

21 февраля.

Лорис уже одну разумную меру издал, чтобы полиция не отдавала честь никому, кроме государя, цесаревича и главнокомандующего, иначе они занимались больше – не пропустить генерала, чем порядком на улице. Завтра повесят этого преступника на Семеновском плацу. Зовут его Млодецкий.

22 февраля.

Сегодня повешен Млодецкий. Как и следовало ожидать, все время вел себя бойко, смело. Жаль, что священник его провожал, хотя перед повешением он поцеловал крест. Он говорил: «Если не мне удалось убить Лориса, то другому, третьему, а наверное удастся. Мы это решили, так как система Лориса – самая вредная именно для нас». Это он сказал на вопрос Батьянова: отчего, не дождавшись распоряжений Лориса и зная его мягкую систему, он вздумал стрелять в него.

Сегодня этого злодея, имя его Ипполит Млодецкий, казнили. Вчера привезли из Москвы палача, который и надел на него петлю. Много приходило народу рассказывать впечатления во время казни. Преступник себя держал очень нахально, смеялся на все стороны, особенно недружелюбно глядел на военных, смело шел на смерть; эта смелость у них – *un parti pris* (Упрямство (*франц.*)), хотя этим выказать свою правоту. Батьянов, который его допрашивал, рассказывал, что он, хотя и имел вид животного, далеко не глупый человек, фанатик до мозга костей, что он произвел на него вид, что, если будут его и пытаться, он ничего не скажет. Батьянов пришел к тому убеждению, что они дают эти поручения лицам, выдержавшим особого рода испытания, готовым на все. Дерзость его во время суда заставила его вывести из залы, и его ввели только тогда, когда пришло время прочесть приговор. Дюфферин (английский посол), поздравляя Лориса со счастливым исходом, прибавил, что это первая пуля, которая прошла сзади графа, все другие он встречал грудью вперед.

Прочла в «*Journal des Debats*» письмо из Петербурга, где говорят, что был сделан обыск по приказанию III отделения у некоего Пигальского, что найдено письмо, где говорится, что он может действовать, что Шебаша (вымышленное имя) видел царя, что царь покоен и что дело можно начинать. Редакция от себя прибавляет, что из этого видно, что к нигилистам причастны лица высокопоставленные, которые видят царя, а может быть, даже и его родственники. Все это не в бровь, а прямо в глаз бедному Константину. Но я положительно отрицаю, чтобы он был в этой шайке – он слишком умен и слишком дорожит своим положением. С таким братом ему ли не хорошо живется? А ожидать того, что о нем говорят, будто он добивается, он понимает, что это может только сумасшедший человек.

23 февраля.

Говорят, взяли в толпе, которая смотрела на казнь, до 7 человек, громко порицавших действия правительства и высказывавших свое сочувствие к преступнику. Есть же такие люди! Нелегко будет Лорису справиться со всем этим злом – глубокие корни им уже пущены.

24 февраля.

Сегодня завтракали Морголи, Гагарин, Бобриков, Вышнеградский, Бруннер и много других. Бобриков рассказывал подробности насчет преступника. Когда его повели в суд, он шутил и резко отвечал, но, вернувшись обратно в крепость и зная уже, что он приговорен к смерти, он имел вид смущенный. Когда его спросили, хочет ли он есть, он попросил и два раза ел два сытных обеда с большим аппетитом. Обед состоял из щей (1 фунт мяса), телячьей котлеты и блинов без варенья.

Бруннер, командующий войсками Казанского округа, развивал свою мысль, как уничтожить нигилистов: объявить Петербург на военном положении, потом сделать общий обыск офицерам во всем Петербурге, а затем сделать ответственными за жильцов всех домохозяев, «если найдется в доме типография и подозрительная личность – конфисковать дом в казну».

27 февраля.

Пришел Батьянов. Много рассказывал про свою беседу с убийцей. Когда он поехал к нему в крепость, то тот, видя, что Батьянов очень удобно поместился против него и о многом стал спрашивать, любопытствовал узнать, не будет ли он мешать ему спать. На это Батьянов отвечал, что он будет спать, сколько пожелает. Он рассказывал, что в народе у них уже ходит до 35 тыс., что он – один из маленьких, что если б им удалось достичь своей мечты, то его положение было бы не выше школьного учителя, что он шел убить, что был бы счастлив, если б ему удалось убежать, но если б убежал, то вторично постарался бы метче стрелять, что у них есть знаки, по которым они друг друга узнают.

Сегодня Дрентельн оставил пост начальника III отделения. Вместо него Черевин, с подчинением Лорису. Батьянова Лорис, кажется, очень любит. Когда ложится спать, призывает его к себе, долго с ним говорит и не отпускает от себя.

28 февраля.

Сегодня Иславин рассказывал, что опять вышел номер «Народной воли». Вот люди неугомонные! Неужели у них есть еще типографии? Как они умеют действовать! Их девиз: «l'union fait la force» (В единстве сила (*франц.*)). Никогда своего не выдадут. Ляжет костями, умрет – ничего не скажет.

5 марта.

Завтракал Коростовец. Много говорил насчет полиции, находит, что еще мало сделано Верховной комиссией! Теперь затишье полное, как будто успокоились все – и общество, и нигилисты. Но надолго ли? Говорят о назначении в Верховную комиссию, кроме Ковалевского, Батьянова, Черевина, еще Имеретинского, Победоносцева, Маркова, Шамшина, Перфильева; Каханов уже давно назначен. Неужели Перфильев может дать добрый совет? Вчера было первое заседание комиссии. Как водится, прошло, ничего не выяснив, так как пришлось каждому приглядеться к своему соседу.

14 марта.

Пришел Косаговский. Сегодня приехал. Объехал три города, где находятся тюрьмы с политическими преступниками. Много рассказывал достойного внимания. Например, в Москве было им конфисковано письмо, уже с печатью прокурора, значит, законом дозволенное, где была прямо написана и проведена антиправительственная агитация. Фамилия прокурора очень неразборчиво написана, начинается на «К» (оказалось, по справкам, что в Москве 4 прокурора и фамилии всех начинаются на «К»).

Был Батьянов. Он ездил по тюрьмам узнавать, где находятся разные подозрительные люди. Е. В. ему говорил про свое свидание с Лорисом. Когда он увидел Лориса в его большом кабинете, с большими очками, через которые смотрели большие глаза, в темной комнате в отделении – Скальковский, потом рядом дежурные, – все это имело вид военного штаба.

15 марта.

Был Имеретинский. Говорил, что при назначении Лориса во главе комиссии общественное мнение разделилось на две партии: высшее общество видело в этом назначении только полицейскую должность, народ и печать увидели в нем неограниченного правителя, пользующегося правом диктатора, и это повредило Лорису, – теперь он не в состоянии будет всего того сделать, что от него ожидают одни и другие. В настоящем же его положении без особенных экстренных полномочий он ничего не может сделать.

Писала под диктовку Е. В. воззвание Верховной комиссии, где она оповещает, что все раскаявшиеся нигилисты, если придут, отдадутся в руки правительства – оно их укроет от прежних товарищей. Мысль добрая, но вряд ли принесет добрый плод.

Был у Е. В. спирит Ридигер, предлагает спиритизмом избавить Россию от нигилистов. Тоже мечта!

25 марта.

Утром пришел Батьянов. Вчера у них была комиссия. Много толковали о поднадзорных. Кажется, изменят эту меру, находят ее неудобоприменимой: теперь во всей России находится 400 тыс. человек под надзором полиции.

Зуров поднес список лиц – 136 человек, находя, что они должны быть высланы из Петербурга. Когда разобрали степень их виновности, он первый согласился с тем, что 60 человек из 136 можно оставить на прежнем месте жительства.

29 марта.

Е. В. предложил Лорису меру: посылать избранных священников беседовать в тюрьмах с преступниками. Эта мера очень Лорису понравилась и, кажется, будет приведена в исполнение.

6 апреля.

Вчера напечатано в газетах очень гуманное распоряжение Лориса: людей, находящихся под надзором полиции в течение нескольких лет и показавших свою благонадежность, избавить от этого надзора. Это подымет нравственный дух этих лиц.

15 апреля.

Вернувшийся из Лондона барон Клейст рассказывает, что на него смотрели, как на чудо, что он приехал из Петербурга, из такого города, откуда никто целым не может приехать.

20 апреля.

Сегодня *la question du jour* (Главный вопрос *(франц.)*) – это Толстой. Все рады, что он уже не министр. У всех на языке: слава богу, его уже нет. Вот человек, сумел себя заставить ненавидеть всех без исключения, или с очень небольшими исключениями.

3 мая.

Был Бильбасов. Встретился с Батьяновым, который тотчас же начал с ним свой обычный спор, сколько времени может еще продержаться теперешнее положение дел и как сделать, чтобы министры были ответственны перед государем, и если это будет, то хорошо ли будет. Бильбасов сказал, что думает, что теперешнее положение скоро переменится, если будут приняты меры, что все это долго не продержится.

Тотлебен назначен в Вильну, а Альбединский в Варшаву. Дрентельн – в Одессу. Говорят, Тотлебену хотелось в Варшаву, и государь, давая ему Вильну, утешал его тем, что у него в этом крае имение.

7 мая.

С утра уже Е. В. отправился в суд Веймара. Говорил, что его возмущают женщины – очень себя держат нахально. Косаговский приехал из суда. На него, напротив, так как он уже присутствовал на политическом суде не первый раз, все подсудимые произвели хорошее впечатление: они поражают своею скромностью. По его мнению, это второй скромный суд – Мирского и этот.

До этих подсудимые вели себя очень несдержанно: скакали на столы, бог знает что кричали, ругались и проч... Был Суворин. Очень ему хочется проникнуть в залу суда. Удивляюсь, отчего его не допускают, он, право, благонадежный.

9 мая.

Е. В. все утро пробыл на суде Веймара. Он создает впечатление человека, которого трудно обвинить; все свидетели относятся к нему с большим почтением и похвалой. О суде Е. В. такого мнения: тяжело видеть эту игру в суде. Все сидят люди неумелые. Никого из них нельзя назвать людьми недобромыслящими, но они в первый раз призваны исполнить эту обязанность.

13 мая.

Ни Веймар, ни Коленкина не оправдали ожиданий публики. Первый сказал несколько бесцветных слов, вторая ничего не захотела говорить.

14 мая.

Е. В. вернулся в половине пятого. Все судьи совещались и через 13 часов вынесли такой приговор: Веймара на 15 лет на каторгу, Михайлова и Сабурова повесить. Е. В. рассказывал, что подсудимые спокойнее выслушали свой приговор, чем публика, которая за них страдала от 7 часов до 4 1/2. Ни один не дрогнул, ни один не побледнел. Теперь все пошло на утверждение Верховной комиссии.

15 мая.

Адельсон рассказывал, что вчера, когда был прочитан в 9 час. вечера окончательный приговор подсудимым, Коленкина бросилась обнимать Михайлова, приговоренного к повешению, а Михайлов бросил презрительный взгляд на Сабурова, но все сохранили полное спокойствие и спокойно выслушали приговор суда.

19 мая.

Был Каханов. Много говорили о Лорисе. Каханов говорил, что его наследник очень любит, часто зовет запросто обедать собственноручной запиской. Вот человек! Сумел-таки себя поставить. Очень он хитер и ловок. Не знаю, будет ли он полезен России.

28 июня.

Читала «Illustration». Удивительно, что позволяет и пропускает цензура. В июньском номере «Causerie» напечатано, что после траура государь намерен жениться на княжне Долгорукой, с которой уже давно позабыл les grandeurs de la royauté (Величие царской власти (франц.)). Неужели можно допустить это писать, когда еще так недавно умерла императрица?

4 июля.

Бунге, профессор Киевского университета, назначен товарищем министра финансов. Это, по-моему, хорошее назначение.

27 июля.

Опять, слава богу, напали на след нигилистов – несколько человек схвачены. Я вполне уверена, что эти люди бездействуют только наружно, но что тайно времени не теряют.

9 августа.

Лорис-Меликов назначен министром внутренних дел. Каханов – ему в товарищи.

11 августа.

Все газеты полны похвалой назначению Лориса.

14 августа.

Все газеты полны восторгов о назначении нового министра и называют 6 августа, день этого назначения, счастливым днем.

19 августа.

Все перемены. Наследник будет вместо Николая Николаевича, пойдут переменять весь гвардейский корпус.

21 августа.

Был Батьянов. Много рассказывал. Говорит, что государь повенчался с Долгорукой. Называют свидетелями Лориса и Милютина; Адлерберг, говорят, отказался присутствовать. Обедал Вышнеградский. Разбирая деятельность Лориса, он сказал, что он за две вещи отдаст отчет богу: что позволил разбирать газетам школьный вопрос, который запугал молодежь, так что экзамены были плохи, и ругать III отделение, которое существовало 20 лет и считалось необходимостью. Это отняло веру во все. Кто поручится, что и все остальное никуда не годится?

1 сентября.

Баранов назначен ковенским губернатором – человек, бывший под судом, – что это значит?

20 октября.

Кушелев из комитета принес известие, что по случаю голода сегодня ночью разбили и разграбили запасной склад хлеба около Смольного. К чему еще должны мы готовиться? Голодный человек на все способен.

21 октября.

Вечером был Кушелев. Рассказывал одну подробность о свадьбе государя. Он женился в штатском платье, говоря: «C'est un particulier, mais pas l'empereur, qui repare une faute commise et repare la reputation d'une jeune fille» (Частое лицо, а не император исправляет совершенную ошибку и спасает репутацию девушки (*франц.*)).

Монтеверде рассказывал из верного источника, что Германия очень недовольна этой свадьбой.

28 октября.

Опять наступает время возвращения царя в Петербург. Нехорошо повлияет на массу его женитьба, нужно было дожидаться хотя году. Опять суд, опять настроены умы слушать эти ужасные истории. Вот люди, у которых организация замечательная. Они всюду действуют и действуют так тайно, что нельзя их заподозрить.

30 октября.

Интересно очень показание Гольденберга (жида, который убил Кропоткина в Харькове). Его схватили, он раскрыл всю тайну, потом повесился. Сегодня будет окончен суд. В этом году, говорят, он мало привлек публики, говорят, зала пустая. Это – отрадное явление. Прежде не было места, все ломились попасть в залу.

1 ноября.

Странное наступает время. Франция близка к коммуне, тяжело читать про все эти буйства и бесчинства. У нас пока, можно сказать, лучше, спокойнее, чем у них. Амнистия коммунаров к добру не поведет. Феликс Пиа говорит возбуждающие речи, его была первая мысль поднести пистолет Березовскому. Теперь он пишет воззвания, вроде следующего: «Долой церковь, долой разврат публичный, который нам является в виде семьи, жены, детей и бога!». Страшно это писать, а еще такую фразу: «Pour démocratiser la terre il faut deironiser le ciel» (Чтобы установить демократию на земле, нужно свергнуть с престола того, кто на небесах (*франц.*)).

2 ноября.

Был Бобриков. Много говорил о последнем суде. Пятерых приговорили к смертной казни, их 4-го будут вешать в 7 часов утра. Это еще большой секрет.

Будут помилованы трое – все те, которые покушались на жизнь государя, а двое, именно – Квятковский, который взорвал финляндцев в Зимнем дворце, и Пресняков, убивший швейцара на Васильевском острове, будут повешены. Государь это мудро придумал.

4 ноября.

Был Адельсон (комендант), приехал с места казни, рассказывал впечатление, произведенное преступниками, которых повесили. Оба причастились, оба обнялись сперва со священником, потом, имея уже завязанными руки, поцеловались друг с другом, поклонились войскам. Когда повешен был Квятковский, Пресняков посмотрел сбоку на эту картину и прослезился. Через минуту его ожидала та же участь. Ужасное впечатление!

5 ноября.

Вся печать высказывается очень сочувственно, что государь помиловал трех, тех, которые покушались на его жизнь. Нельзя без ужаса слышать все подробности вчерашней казни. Я смотрю очень несочувственно, с отвращением на нигилистов, но такое наказание страшно.

Говорят, что палач Фролов все это делает с бессердечием и даже неловко.

9 ноября.

Князь Гагарин много рассказывал про Ливадию. Государь всюду ездит со своей княжной, которую представил Милютину как свою жену. Цесаревна, бывши в гостях у Воронцовой, ей жаловалась на свое неловкое положение и с таким жаром ей все рассказывала, что та ей сказала: «Вы так откровенно и так горячо высказываете ваше неудовольствие, что это дает мне право думать, что вы не делаете из этого секрета». «Да, – отвечала цесаревна, – можете кому хотите об этом рассказывать».

27 ноября.

Вчера был день георгиевского праздника. Вчера во время обеда государь, провозглашая тост самого старейшего георгиевского кавалера, германского императора, вместо обычного тоста, кончавшегося «и моего лучшего друга», только сказал первую половину тоста, а именно – «старейшего кавалера». Не может ли это повлиять на все дела?

2 декабря.

Обедал Маркевич. Много рассказывал про свое путешествие, к каким способам прибегают нигилисты, чтобы доставать деньги у русского посольства. Вот ловкие люди! Они устраивают через своих фальшивый донос на себя же, что вот такой-то узнал, что замышляется такое-то преступление, и за то, что такой-то предупредил, ему выдается награда.

10 декабря.

Большой разговор о романе Маркевича «Перелом». Он там описывает семью Анненковых под именем Саватьевых, и они имели глупость себя узнать.

13 декабря.

Был Кушелев. Рассказывал про интимную жизнь царя. Об этом нельзя писать, никто не знает, что может случиться, могут украсть и этот бесцветный дневник.

30 декабря.

Ивашинцев рассказывал, что Суворов все волнуется, не может привыкнуть к новой хозяйке Зимнего дома; в интимности он ее понимает, но видеть ее во время официальных приемов – он к этому не может привыкнуть.

Был Полетика. Уверяет, что к новому году соберут Земский собор. Е. В. же уверял, что этому не быть.

1881 год

3 января.

Все газеты полны разными пожеланиями на новый год, в каждой проглядывает желание, чтобы в России было другое правление. Одни за конституцию, другие за Земский собор – та же конституция под другим именем.

6 января.

Прочла из «Русского вестника» рассказ Демчинского «Первая охота на медведя». Очень он метко очертил личность Гейнса в молодом генерале Дейне. Кто немного знает Гейнса, сейчас его узнает. Ловкий он человек и, по-моему, приятный, но в рот пальца не кладет.

8 Января.

В Киеве открыты опять социалисты. В Харькове во время масленицы были разные тенденциозные маскарады. На одной процессии был представлен Толстой, бывший министр народного просвещения, – идет бледный, худой, а за ним несут трупы умершей молодежи на носилках и идут за трупами тоже студенты, не краше мертвецов.

13 января.

Видела сегодня на улице государя. Тяжелое впечатление делает эта встреча. Теперь его сопровождают не 8 казаков, а гораздо больше, и уже за полверсты чувствуешь, что приближается что-то особенное, – и это наш царь!

15 января.

Сегодня город разукрашен флагами по случаю победы над текинцами. Народ ее не понимает. Один дворник, на приказание пристава вывешивать флаги, спросил очень наивно: «Неужто опять промахнулись?» Вот до чего никто не знает и не следит за этой войной в народе.

29 января.

Пришел Комаров, пришел от покойного Достоевского, говорит, что семья в нищете. Мною была высказана мысль, не попросить ли митрополита похоронить Достоевского безвозмездно в Александро-Невской лавре. Комаров схватился за эту мысль, и меня Е. В. и он попросили съездить к владыке попросить у него разрешения. Митрополит встретил очень холодно это ходатайство, устранил себя от этого, сказав, что Достоевский – простой романист; что ничего серьезного не написал;

что он помнит похороны Некрасова, которые описывались, – было много всякого рода демонстраций, нежелательных в стенах лавры, и проч.

Победоносцев на панихиде выразился, что «мы ассигнуем деньги на похороны Достоевского», и нелестно отозвался об Исидоре.

30 января.

Сейчас был наместник лавры. Победоносцев тоже ходатайствует, чтобы похоронили Достоевского в лавре, и это ходатайство равняется приказанию. Митрополит прислал наместника нам сказать, что он исполняет нашу просьбу, дает место, и служение будет безвозмездно.

Таких манифестаций и оваций нельзя не запомнить. Все стремятся поклониться покойному Достоевскому, народ тысячами осаждает его квартиру. Большинство – женщины; они горько плачут, будто потеряли любимого отца или мужа. Будут 10 хоров певчих сопровождать его до могилы.

1 февраля.

Был Я. Поляков. Ему рассказывал Краевский, что женские курсы хотели вместо венков нести на подушках цепи на похоронах Достоевского, в память того, что он был закован в кандалы. Еще не утихли бурные страсти, еще жив дух протеста. Эти сходки и проводы, хотя и стройные, смирные проводы, но такие многолюдные (говорят, было до 30 тыс. человек) могут повториться совсем при других условиях. Народ в этих похоронах не участвовал. Кто-то ответил на вопрос: кто умер? – «Говорят, какой-то писец». Значит, народ его не знал. Вся демонстрация была сделана учащейся молодежью, газетами и литераторами.

8 февраля.

Пришел Шидловский (харьковский предводитель дворянства). Долго с ним говорила насчет настоящего положения России. Утешительного мало видит. У них в Харькове, в соборе, тоже по поводу смерти Достоевского на панихиде происходили необычайные явления: с кафедры церковной говорили речи светские профессора – вот прогресс, и не особенно желательный. В развязном тоне газет он также видит мало утешительного.

9 февраля.

Вчера на акте в университете опять были беспорядки; кричали Сабурову «лгун, мерзавец» и давали ему еще другие эпитеты. Тяжело, что опять начинается брожение.

Золотницкий рассказывает, что Анненков хочет вызвать на дуэль Скобелева за то, что он не хочет послать второе донесение об его ране, так как первое не дошло, – посланный джигит был убит и не довез. Теперь у всех рождается подозрение: было ли послано и первое донесение, или только Скобелев обещал послать. Теперь же он не решился послать ложное донесение, а сказал Анненкову, что послал.

14 февраля.

Говорят, что Сабурова один студент во время университетского акта ударил. Неприятное положение. Он уже напечатал в газетах: просит прекратить все выражения соболезнования по этому случаю и благодарит за сочувствие.

18 февраля.

В дворянском собрании один дворянин Шакеев говорил речь против административной ссылки, предлагал просить государя ее окончательно уничтожить. Вот дух времени!

20 февраля.

Говорят о двух наградах: Баранов-Веста – генерал, а Баранцов – граф.

Иславина рассказала анекдот про рану Зеленого: Мессарош, брат Карпович, защищая сестру от злых языков, сказал, что Зеленой ничего не может сделать, что он ранен в такое место, и что он это знает из верного, самого верного источника – от сестры, которая сама видела.

24 февраля.

Заходил граф Игнатьев. Такой фокусник! Говорит, что ни за что не примет портфеля министра народного просвещения, что не только устно, но и письменно отказался от этого, но не прочь быть на месте Ливена, так как любит сельское хозяйство.

25 февраля.

Утром был Бильбасов. Е. В. сумел склонить его к тому, что он согласился не писать более против настоящего положения дел, а будет писать то, что правительству нужно, – в унисон с Лорисом.

1 марта.

Такое страшное злодейство свершилось, что до сих пор не могу прийти в себя. Было у нас много народу. Еще не все разошлись – вбежал Скалон со страшным криком: «Сейчас было покушение на жизнь государя. Царь сильно ранен, двое конвойных убито и еще 8 человек контужено и ранено!» Е. В. подбежал к нему, не доверяя известию. Скалон был у нас в 2 часа и несколько минут.

Е. В. тотчас же отправился ко дворцу. Там масса народу: войска, свита государя, министры – толпились у дворца. Никого не впускали во дворец, кроме членов императорской фамилии. Е. В. пробрался с Милютиным и Грейгом на комендантский подъезд и там узнал тяжелые подробности. У государя были раздроблены обе ноги ниже колен, осколком окровавлено все лицо и грудь. Царя без фуражки посадили на полицмейстерские сани; два офицера стали по бокам, поддерживая голову, и в таком положении привезли во дворец. Случилось это в 1 3/4 часа, и уже в 3 часа 35 минут царя не стало. Такой позор трудно перенести.

У нас целый день сменялся народ – все с негодованием относятся к этому страшному делу. Е. В. был у митрополита, у Лориса. Скорбь великая. Дай бог, чтобы еще не прибавилось позорного пятна на страницы русской истории.

2 марта.

Е. В. вернулся из собора очень расстроенный, заплаканный. Янышев сказал проповедь. «Государь не скончался – он убит! Убит!» – закричал он на всю церковь. Эти слова были встречены глухими рыданиями.

Был Суворин. Он очень сдержанно себя держит. Была принесена присяга новому императору. Тоже был выход во дворец.

Цесаревич очень расстроен, говорил сквозь слезы. Она тоже. Тело покойного царя лежит в комнате рядом с его кабинетом, что называется «рабочая».

Много рассказывают разных подробностей. Когда новый царь узнал о несчастном событии, он так растерялся, что бросился на место покушения, и только проезжий генерал его, можно сказать, разбудил, сказав ему:

«Ваше место во дворце, спешите туда».

Подробности начинают раскрываться. Он лежал на мостовой. Первым к нему подбежал офицер Новиков, потом вел. кн. Михаил, и таким образом его подняли. Лошади Дворжицкого испугались и умчались, но наконец их удалось поймать и посадить царя в сани.

3 марта.

Найдены еще злоумышленники. Так их будет меньше. Не хочется верить, что их много. Печать трудно удержать – всегда провретя то одна, то другая газета. Говорят, что на месте гнусного, страшного происшествия толпы народа все сменяются. Какое страшное чувство – убить царя!

Сегодня покойного перенесли в церковь Зимнего дворца и была панихида. Говорят, государь очень изменился. Ему намазали лицо белой краской, чтобы не видно было ран, правая рука тоже в крови – какое страшное чувство!

Один из убийц, бросивший две бомбы, умер, а первый, Рысаков, мещанин (слава богу, не дворянин), говорят, начал выдавать своих. Молодой государь очень взволнован. Трудная ему предстоит задача. Дай бог ему справиться с крамолой и социализмом.

4 марта.

Найден подкоп на М. Садовой, угловой дом, там помещался склад сыров «Кобозева», – по этой улице государь обыкновенно возвращался из манежа во дворец. Мина подведена под середину улицы. Очень тщательно сделано.

Рассказывают, что рядом, по левую сторону гроба, шла Юрьевская во время перенесения тела в церковь, составляя как бы принадлежность гроба. Нынешний государь, говорят, ей сказал: «Покойный государь нас разделял, но горе наше общее нас сблизило».

Читала прокламацию – извещает о смерти убитого государя. Видно, что не здесь напечатана, хотя помечена 1 марта 1881 года, а внизу «Типография «Народной воли», 2 марта 1881 г.». Это уже у них было давно подготовлено, они уже решили с ним в этот день покончить, и по этому случаю во многих местах у них стояли готовые люди, и устроены разные вспомогательные средства.

5 марта.

Тяжелое впечатление не укладывается, напротив – живет и растет с каждым днем. Трудно прийти в себя, опять начать прежнюю жизнь, отдаться прежним интересам. Говорят, найдено много новых людей. Дай бог, чтобы спокойствие и безопасность нового царя были обеспечены.

Рассказывают много новых подробностей о происшествии, какие минуты пережил царь. Подкоп на М. Садовой был сделан искусной рукой. Хозяин лавки скрылся.

Говорят, что вел. кн. Константин, которому приписывают много дурного, но который в этом деле, по моему убеждению, ни в коем случае не может быть повинен, в день присяги новому царю подошел к стоящему во дворце караулу Кавалергардского полка и дважды их поздравил с праздником – на это приветствие солдаты отвечали полным молчанием. Юный офицер, командовавший взводом, был смущен этим молчанием. Он не слышал поздравления и думал, что вел. князь здоровался. По его уходе он заметил это солдатам, на что ему старый фельдфебель, там находившийся, сказал: «Великий князь не здоровался, а поздравлял нас с каким-то праздником». Это было подтверждено и находившимся тут же камер-лакеем. Все это привело в большое волнение офицера.

Соханский привез рисунок того состава, которым смертельно был ранен государь. Весу в нем 6 фунтов, по виду – коробка конфет Ландрина, устроен он адски: так поставлены провода, что взрыв должен произойти во всяком случае, а последствия взрыва, к сожалению, мы знаем и век не забудем.

Е. В. поехал во дворец поклониться государю. Вернулся он с таким впечатлением, что все это внешнее, что окружает покойного государя, изглаживает впечатление, что издали как-то больше, глубже чувствуешь эту утрату, сделанную таким страшным злодейским образом. Громадный золотой балдахин посреди церкви, по сторонам балдахина чины гражданские и военные, придворные; масса орденов; мало света; архимандрит читает евангелие. Изувеченное лицо государя, сильно пострадавшая рука, тело покоится глубоко в гробу, представляя из себя что-то маленькое, – вот что представляет теперь царь.

7 марта.

Сегодня с утра большое движение в Петербурге. Переносят тело царя из дворца в Петропавловскую крепость. Везде столько полиции, столько войск, что через них трудно что-либо видеть. Но тревожные телеграммы, полученные из Берлина и других государств, конфиденциально сообщают, что эти меры необходимы, что у дерзких врагов ужасные замыслы, что они ищут случай произвести беспорядок.

Был Косаговский, приехал и Е. В. с Сувориным с церемонии. Оба говорят, что торжественности мало, что хорошо выступал сзади гроба – твердой поступью, с грустным, сосредоточенным выражением лица – молодой государь, чувствуя сотни глаз, устремленных с любопытством на него. Процессия шла врассыпную, особенно гражданские чины. Е. В. многим, кто к нам заходил, говорил, что необходимо энергично взяться за дело, предлагая очень рациональную меру; чтобы домохозяева отвечали за жильцов, что если будет что-либо подозрительное найдено в чьем-нибудь доме, то конфисковать дом в казну, – отдать его со временем, года через два. Только этим одним и можно поправить дело, вывести людей из апатии, а это всего легче достигается, когда бьют людей по карману. Неужели трудно хозяину дома проследить за жильцами?

8 марта.

Неделя событию, а все один разговор – возмущение, масса рассказов о новых арестах и проч. Пришел расстроенный Комаров, возмущен против полиции тем, что никто из народа не мог видеть процессию, что полиция вела себя непристойно, била народ нагайками.

Е. В. был у митрополита, который ему рассказывал про панихиды, им справляемые в присутствии высочайших особ. Когда все уходит, то к гробу приходит вдова покойного государя, княгиня Юрьевская, начинает с ним прощаться, обкладывает тело ароматическими подушками, которые сушатся рядом в особой комнате в Петропавловском соборе и которые меняются ею же два раза в день в гробу. Она всегда приходит вместе с Рылеевым.

До сих пор мало приехало иностранных гостей, но многих ожидают к похоронам... Везде те же чувства негодования.

13 марта.

Рассказывают, что свита уговаривала наследного принца прусского не ехать на похороны в Петербург; на это маститый германский император сказал три слова: «faisons notre metier» (Займемся своим делом (*франц.*)). И тяжелый «metier» (дело (*франц.*)) выпал на их долю!

Целый день слышишь все ужасные разоблачения. Теперь общество разделилось на два лагеря: одни говорят, что только репрессивные меры приведут дело в порядок, – сегодня представителями этого порядка были Толстой, Маркевич, не помню, кто еще; другие же того мнения, что теперь вернуть порядок, бывший при Шувалове, невозможно, что это поведет к гибели России, что нужно созвать народных представителей, что нужны строгие меры, но разумные в то же время, что нужно реорганизовать полицию и проч., но что все это должно быть сделано по-старому, а не по-новому, по образцу Франции. Этих гораздо больше.

14 марта.

Батянов все продолжает говорить, что без конституции не может быть порядка. Он верно сказал, что успех Баранова вызовет неминуемо отставку от дел Лориса.

Говорят, произведено в городе до 70 арестов, и все более из интеллигентного класса.

Е. В. был у Лориса. Рассказывал, что вынес впечатление, что его обстановка напоминает канун осады Одессы во время Крымской войны, – все это говорит, ходит, но работы практической не видно. Бедный Лорис скверно окружен. У Лориса одна мечта вернуть себе

вновь ту власть и доверие, которыми он пользовался, и не пощадить тогда тех, кто от него в эти дни отвернулся.

15 марта.

Сегодня хоронят царя. Сегодня были многие из присутствовавших в крепости во время похорон. Рассказывают, что все прошло официально, мало было чувства. Прибывшие депутаты тоже были допущены. Когда опустили гроб в могилу и когда царская семья бросила первую горсть земли, она уехала, и начали подходить собравшиеся, бросали цветы и землю и кланялись праху.

Косаговский говорит, что не дай бог теперь давать Земский собор, что это все дело сгубит. Теперь, кажется, об этом отложено попечение.

17 марта.

Баранов, говорят, очень в милости у молодого царя: утром, во время приема, он все время там находился, и видно, что все за ним ухаживают, как за новой влиятельной звездой.

19 марта.

Сегодня новый приказ как бы от министра внутренних дел, но *de facto* (Фактически (*лат.*)) от Баранова: чтобы каждый домовладелец и хозяин квартиры выбрал бы от себя одно лицо, которому нашел бы полезным поручить в специальном совете, созванном из представителей всех околотков (по одному представителю от каждого), блюсти порядок в городе и собираться, чтобы обсуждать меры для охраны города от нигилистов.

Пришел Кушелев, рассказывал свои впечатления о прошедших событиях. Он один из первых вошел во дворец, когда туда внесли раненого умирающего царя на ковре. Кровь лилась ручьем. Кушелев намочил свой платок. Долго он не решался войти в кабинет, где, выдвинувши из алькова его постель и поставивши ее рядом с письменным столом, положили умирающего. Когда он вошел, на подушках в сидячем положении находился государь, его поддерживала княгиня Юрьевская и рыдала громко, тут же находились ее дети – сын и дочь. Рядом какой-то доктор мехами старался вдуть кислород в рот царя, лежавшего без ног – открытые колени и тут же кровавые лохмотья. Вот ужас! Вновь прибывавшие родичи, едва входили в кабинет – с истеричными рыданиями останавливались у входной двери. Наследник хотел увести детей, но Юрьевская сказала, что просит оставить их страдать вместе с матерью их. Все время она исполняла все приказания докторов. Когда государь скончался, у него отвалилась челюсть, – она взяла платок и им повязала голову царя. После этого наследник подошел к ней и обнял ее, а вслед за ним подошли к ней и поцеловали ее руку все остальные великие князья.

20 марта.

Рано утром пришли объявить Е. В., что он избран в число лиц, призванных от околотка. Их было избрано 260 человек, теперь же из них будут избираться 25. Многие находят, что очень поспешно привели эту меру в исполнение.

В половине второго Е. В. отправился в дом градоначальника. Там все уже собрались. Баранов ведет себя недостойно своему сану: горячится и не дает высказываться. Е. В. выбрали депутатом в числе 25 человек, но, кажется, с Барановым нелегко работать: раньше, чем вопрос подвергается обсуждению, Баранов объявляет, что на такое распоряжение уже последовало высочайшее соизволение. К чему же тогда эта комиссия?

21 марта.

Умер Майдель, комендант крепости. На него подействовал допрос, сделанный... Рысакову в его кабинете, где он их обоих нашел развалившимися в креслах с папиросами в зубах у его письменного стола.

22 марта.

В комиссию 25-ти выбраны: Трепов, Воронцов-Дашков, Глазунов, Квист, Лихачев, гр. Бобринский, бар. Фредерикс (командир Конного полка), Семевский, Меншуткин, Елисеев, Ламанский, гр. Левашев, Крундышев, Благово, Потехин (адвокат), Бекетов (ректор университета), Христианович, Заблоцкий-Десятовский, Богданович (Е. В.), Котомин, Краевский, Коростовец, Целибеев, Кобеко и Жуковский. Председатель – Баранов.

Говорят, поймали многих преступных личностей.

Много и сочиняют. Теперь всех занимает, кто из министров останется на своем месте. Возмутительны рассказы о том, как высылали дам из крепости во время панихид, если они не были трех первых классов.

23 марта.

Сегодня все члены Совета 25-ти в полном составе ездили представляться государю. Представлял их Баранов. Государь показался Е. В. очень крепким, сильным, видным. Теперь еще в нем мало привычки. Он их всех обошел, и этим кончился прием. Тут же был и Лорис.

Много рассказывают про разные аресты. Выслали из Петербурга француженку-модистку Теодор – она шила белье маленькому наследнику и положила в карман письмо с угрозами. Взят также известный их техник Кибальчич, сын священника, – он признался, что изготовлял взрывчатые снаряды.

Сегодня Советом 25-ти отменено распоряжение градоначальника не пропускать, не опросивши, через заставы. Эта мера оказалась неприменимой ввиду массы народа, входящего в Петербург для снабжения населения молоком, маслом и т. д. Так как кладбища находятся за заставой, то некоторые покойники и сопровождающие их родственники не были пропущены через заставы. Эта мера вызвала общий ропот. На железных дорогах будут устроены турники, и возле каждого будет помещаться доверенная личность и будет следить за физиономией каждого приезжего. Карточки нигилистов-вожаков более или менее известны.

24 марта.

Были у митрополита Исидора. Старик нам рассказал, что была оцеплена Охта, что в воскресенье там не было обедни по случаю того, что отнятые два ящика со снарядами и 20 фунтов пороху были снова украдены нигилистами.

Сегодня в Совет 25-ти были представлены две прокламации, в одной из которых нигилисты, меняя тон и начиная словами «ваше величество», требуют от государя конституции. Говорят, что если не даст, то раскается. Много рассказывают о разного рода ухищрениях этих лиц. Теперь, по последним сведениям, они разъезжают по деревням на хороших лошадях парой и стараются возмутить народ рассказами о том, что его новый царь хочет вновь закрепостить, что отнимут у них землю, что они будут так же бедствовать, как и прежде, свободы у них не будет.

25 марта.

Теперь много говорят о Баранове (градоначальнике). У него масса врагов, и его сильно бранят, называют шарлатаном и проч.

Теперь все разные перемены, новые назначения. Вот уже третий министр летит, Ливен, и его место занимает граф Игнатьев. Неважный преемник, у него уже давно есть кличка *menteur-pacha*, или *le roi du mensonge*, (Лжец-паша, или король лжи (*франц.*)).

26 марта.

Е. В. с утра отправился в суд. Это просто комедия – судить этих людей. Их надо без суда наказать. Они взяты все на месте преступления, все не отказываются от сочувствия и участия в этом возмутительном деле – и их-то судить! Е. В. вернулся из суда, измученный безобразием этих людей. Все они вели себя очень покойно. Желябов не пожелал иметь защитника и сам говорил на суде. Говорит самоуверенно. Было очень много публики, все избранные, по билетам.

27 марта.

Возмутительно ведет себя состав судей. Хотя и говорят, что убийцам надо дать высказаться, но я с этим совсем не согласна. Можно ли, чтобы они пользовались правом слова, эти преступники, и чтоб они смели еще выражать такие мысли, что они удовлетворены или неудовлетворены. Рассуждения Желябова о религии, циничные разговоры Перовской – все это действует губительно и на слушающих на суде, и на читающих газеты. Золотницкий со мной спорил, что этот суд должен был быть. Но, по моему разумению, я бы не допустила их судить – их деяния так подлы, без суда видно, чего они заслужили. Кушелев, со своим спиритическим направлением, говорил, что они действуют не своею волею, а что это их натолкнули злые духи.

28 марта.

Никто не доверяет Баранову, все в нем видят шарлатана, – и этот-то человек пользуется таким доверием государя. Заходил Коростовец. Высказал очень верную мысль, что теперь все, даже молодые, чувствуют, что со смертью государя они переступили какую-то грань, что теперь всякого ожидает что-то неведомое, новое.

Под ужасной тайной я узнала, что Желябова после суда будут стараться заставлять говорить, чтобы от него выведать, кто составляет эту организацию. Это необходимо для общественной безопасности.

В одной комиссии, под председательством Палладия Рязанского, поднят теперь вопрос об урезании прав старост – хотят над ними поставить церковный контроль. С нашим духовенством возможно ли это? Сколько в России делается глупостей. Много повредил и еще повредит России Победоносцев. Он пользуется доверием юного монарха и до сей минуты никого к нему не приблизил достойного. Выбор Баранова – его выбор.

29 марта.

Был Сперанский. Говорил, что видел имена лиц, которые замешаны в социализме, и их, известных, насчитывают 617 человек.

Сегодня Сенат вынес приговор шести преступникам – всех повесить. Перовскую представить на усмотрение государя, что касается ее дворянства. Говорят, их повесят в пятницу. Дай бог, чтобы попытали. Я не злая, но это необходимо для общей безопасности, для общего спокойствия.

Вчера профессор Соловьев (философ) сказал речь, где, говоря про настоящие события, оплакивая их, в конце коснулся суда, взывал к милосердию царя и заключил, что если этого не случится, т. е. милостивого прощения, «то мы, люди мысли, от него отвернемся». Как эти господа такими речами решаются волновать молодежь! Вот они, враги своего отечества!

От Лориса к Е. В. приезжал Безобразов (он замещает Скальковского). Его прислали, с тем чтоб Е. В. сегодня же переговорил с Сувориным и чтобы завтра «Новое время» напечатало в духе правительства статью. Е. В. тотчас же послал за Сувориным, долго с ним беседовал, и Суворин обещал написать то, что просят.

30 марта.

Утром собрались старосты. Они составляют съезд против комиссии под председательством Палладия Рязанского, которая стремится к тому, чтобы причт контролировал старост – тогда все люди дела откажутся от этой должности.

Говорят, что на место Баранова будет назначен Гейнс, но я этому не верю. Говорят также, что вел. кн. Константин Николаевич арестован в Павловской (?) крепости, рассказывают так: он писал письмо государю и просил позволения приехать поклониться усопшему императору. Государь отвечал, что покойному он причинил много горя, и отказал. На это Константин Николаевич отвечал дерзким письмом, что и вызвало эту меру.

Бернский-Гамбургер рассказывает, что после панихиды, которую служили в его доме, еще никто не разошелся, как послышались у окна звуки шарманки, которых совсем нет в этом городе. Это тоже подготовленная демонстрация.

Производят много арестов. Одного из них, Арончика, взяли, когда он пришел на квартиру Кибальчича. Там уже сидела и ждала их полиция, но не догадалась и оставила снаружи двери ключ. Это дало подозрение Арончику, который запер дверь на ключ, а сам бежал, но был схвачен дворником дома.

Е. В. вернулся поздно из заседания Совета 25-ти. Опять у них все только разговоры. Уверяют, что Маков лишился места из-за перлюстрации. Он принес государю много выписок из разных писем, что вызвало негодование царя. На другой день последовало его увольнение.

Е. В. вчера сказал Суворину, чтобы он посоветовал Соловьеву написать Лорису письмо и просить, чтобы он был извинен государем за речь.

31 марта. Был Толстой, рассказывал свои впечатления на суде. Говорит, что, когда убийцам прочли окончательный приговор, все они его выслушали нервно, но покойно.

Заехал герой дня, тот, кого не перестает разбирать, ругать, судить и проч. весь Петербург, – Баранов. Он проводил маленьких вел. князей на машину, а сам к нам заехал. Говорили про преступников. Баранов высказывает одно опасение, чтобы их не помиловали. Все, он думает, подадут об этом просьбы. Михайлов, Рысаков уже подали. От Рысакова он вчера получил письмо, где он просит на деньги, которые были найдены на нем в день ареста, поставить св. Николаю свечу в 50 коп., отслужить молебен Тихвинской божьей матери, помянуть одних «за здравие», других «за упокой», купить две палки шоколаду, две бутылки молока и называет еще, каких папирос.

Говорил Толстой, что якобы Желябов ему написал три письма. Первое подписал «начальник социалистической партии и народный учитель», второе – «гражданин Желябов», а третье – «ваш покорный слуга». Потом он просил газет, Баранов ему послал книги. Но вчера, отдавая книги, он сказал, что сел читать и ничего не понимает, что рассчитывал больше на свои мозги. Кибальчич, по словам Баранова, – самый опасный, также Перовская, остальные нет...

Государь живет в Гатчине, в антресолях дворца. Комнаты там очень жуткие и мрачные; он почти касается везде потолка.

Обедал Маркевич. У него одна песня – везде он видит «красных». Это нехорошо.

1 апреля.

Были Золотницкий и Косаговский. Первый говорит, что преступников надо помиловать, другой высказывает совершенно противоположное мнение. Это на каждом шагу: нет двух людей, которые бы сходились во всем безусловно. Косаговский рассказывал, что Циковский, поверенный Рысакова, ему передавал, что его доверитель не будет просить о помиловании, так как вот уже месяц он свыкся с мыслью, что его повесят, но не выдержал – вчера уже его просьба была подана одна из первых.

Вечером был Николаев, сочлен Е. В. по Криворожской дороге. Высказывал, что Кибальчич подал после суда большую тетрадь своему поверенному Герарду, целую систему о воздухоплавании, исходною точкой которой являются взрывчатые вещества, – на этом все построено: одно вещество вспыхивает, другое потухает, и так до бесконечности. Кибальчич говорит, что он над этим долго работал. Жаль, что такой недюжинный техник попал в это гнусное дело, он мог бы быть весьма полезен для науки. Он мало учился, до всего дошел сам, читая много и работая без чьей бы то ни было помощи.

2 апреля.

Завтра преступников вешают. Сегодня Лорис едет с докладом к государю в Гатчину. Теперь он его уже не видит ежедневно. Кто-то будет главным советчиком молодого царя? Не дай бог, чтобы остался один Победоносцев. Он вреден и России, и царю, у него мелкая душа, он завистливый, в нем течет поповская кровь, кроме того, он сильно боязлив, везде старается действовать позади, чтобы в случае неудачи он не был бы виноват.

3 апреля.

Сегодня утром, в 9 1/2 часов, совершена казнь над преступниками. Повешен первым Кибальчич. Его удачно повесили: он скоро умер. Потом Михайлов, который был четыре раза (если можно так выразиться) повешен: первый раз он оборвался и упал на ноги; второй раз веревка отвязалась, и он упал во весь рост; в третий раз растянулась веревка; в четвертый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее последовала смерть, так как слабо была завязана веревка. Доктора его в таком положении держали 10 минут. Перовская была удачно повешена, и смерть наступила быстро, но Желябову и Рысакову пришлось довольно долго промучиться, так как палач Фролов (один-единственный во всей России палач) так был потрясен неудачей с Михайловым, что этим обоим дурно надел петлю, слишком высоко, близко к подбородку, что и замедлило наступление агонии. Пришлось их вторично спустить и повернуть узлы прямо к спинной кости и, завязав их крепче, снова их предоставить их ужасной участи.

Виселица была устроена одна и на ней 6 колец, в 5-ти – веревки. Привезли преступников на позорных колесницах: Желябов и Рысаков – в одной, а Михайлов, Перовская посредине и Кибальчич – во второй. У всех были на груди доски с надписью: «цареубийца».

Казнь была на Семеновском плацу. Народу было очень много, много помято людей в толпе; одна женщина за приветствование Перовской была схвачена. Она влетела от толпы в дом по Николаевской; швейцар запер за ней дверь, чтобы спасти ее, но толпа, выломав дверь, избил швейцара, а также эту даму. У нее нашли револьвер.

У нас было много народу, каждый приходил с разными подробностями. Только один человек сказал, что видел людей, им выражавших сочувствие; все в один голос говорят, что толпа жаждала их казни. Вечером все кабаки были закрыты. Лорис благодарил по телефону Баранова от имени государя за поимку трех важных преступников. Какое ужасное время мы переживаем!

Вчера весь Петербург ходил к градоначальнику смотреть на пойманного неизвестного человека, чтобы кто-нибудь из посетителей мог назвать его имя, если узнает в нем лицо, с которым встречался.

4 апреля.

Сегодня Е. В. был на совете у Баранова. Во время заседания совета Баранов объявил о поимке важных преступников. Пойман еще один техник, у которого оторваны во время работ два пальца. Фамилия его Исаев. Фредерикс спросил Баранова, как они его поймали. Баранов очень тонко ему ответил: «Не помню».

Все газеты полны подробностями о казни. Один мужик показал кулак преступникам; его схватили, думая, что он против полиции. Одну женщину схватили – она махнула платком. В кармане у нее нашли 4 колоды карт. Тут много комизма.

5 апреля.

Рассказывают, что из Парижа по ошибке перемешали гробы и вместо Рубинштейна привезли в Москву одну рижскую баронессу, которую и похоронили, а туда привезли Рубинштейна. Теперь родственники баронессы требуют возвратить ее тело. А Москва так торжественно похоронила ее вместо любимого таланта.

6 апреля.

Рассказывают, что саперы роют у Каменного моста, будто там тоже найдена мина. Вероятно, они это сделали в тех видах, что по этой улице государь ездил в Царское Село, на машину.

15 апреля...

Пришел Трепов. Он очень горячо говорил против высшей полицейской власти, сказал, что грешно тем, которые его отстранили от покойного государя, что он не допускает мысли, как могло случиться то, что случилось в Петербурге, что он от этой мысли может с ума сойти, что он подал записку вел. кн. Владимиру, как нужно организовать полицию.

Зашел Жуковский и, говоря про Совет 25-ти, вспомнил анекдот, который про совет рассказывают: подписывают сначала «Совет 25-ти», и Баранов после них подписывает свою фамилию, выходит – «Совет 25-ти баранов». Это остроумно.

Рассказывают, что опять появились прокламации. Рассказывают, что на днях государю устроили ванну в Гатчине, но он, к счастью, не сел, – прежде смили градусы. Обнаружилось, что там яд. Строгости в Гатчине большие – всегда нужно иметь при себе фотографическую карточку. Даже гофмаршал Грот без нее не ходит.

Баранов все врет. На днях рассказал Шувалову, адъютанту Владимира Александровича, что поймал 11 социалистов, хотевших взорвать пороховой погреб, а потом отперся от этой новости.

Шамшин и Ковалевский, вернувшиеся с ревизии, рассказывают ужасы про земства, про все безобразия, которые делаются в провинции.

16 апреля.

Был Сологуб. Читал свою статью о братстве, которое он предлагает учредить для борьбы с нигилизмом. «Пора опомниться», – часто говорит он в статье.

Вечером Е. В. долго был у Игнатьева. Игнатьев много ему рассказывал. Все слухи о дарованиях, ожидаемых завтра, лишены всякого основания. Никаких льгот и либеральных мер не будет.

Подпольная деятельность врагов России продолжается. Вздумали в Москве на светлый праздник разбросать прокламации в деревянных красных яйцах. Вот люди с воображением! Правду сказал Жуковский, один из 25-ти, что они целый день заняты этим делом, следят за каждым нашим пробелом и сейчас придумывают угрозу.

18 апреля.

Заехал Баранов. Говорит, что многие его упрекают в том, что государь живет в Гатчине, что будто он его запугал, но что он узнал об отъезде уже тогда, когда отъезд совершился. Он спросил государя, нужно ли дать знать об его приезде, но государь отвечал, что все равно, что ничего не готово, что три комнаты легко приготовить, истопить. Первое время государь ходил в пальто, а императрица в бурнусе. Государю хотелось скрыться от взглядов любопытных, поплакать над своим горем.

Аресты продолжают производиться. Арестован один отставной артиллерист Лустиг.

20 апреля.

Шахматова рассказывала, что ей за достоверное передавали, будто 14 лет тому назад в Сергиевской пустыни был монах, на которого временами находило сумасшествие. Во время одного из припадков он вбежал в трапезную, где собралась вся братия, с раскаленной кочергой и, бросив ее на пол, закричал, что рад, что успел исполнить, что желал. Когда монахи с настоятелем во главе просили его разъяснить, в чем дело, он повел их в покои настоятеля, где им представился портрет покойного государя с оторванными ногами и раной в боку. По уверениям лиц, видевших теперь портрет, на котором тогда сделали наклейки и живопись поправили, раны с ранами, нанесенными государю, совсем тождественны.

Тоже говорят, что 1, 2 и 3 марта в Москве был слышен какой-то особенный звон, – отовсюду казалось, будто из Кремля, а из Кремля – будто с Москвы-реки. Козлов посылал узнавать, откуда этот звон, но добиться не мог никто. Так и осталось загадкой.

Сегодня был монах из Сергиевской пустыни, Павел Петрович, и подтвердил рассказ.

22 апреля.

Утром Е. В. был у Лориса. Вчера было экстренное заседание у государя. Из министров были: Лорис, Игнатьев, Абаза, Милютин, Николаи, Набоков, Победоносцев. Решено образовать Кабинет с Лорисом во главе и с сохранением ему портфеля министра внутренних дел. Лорис сказал сегодня Е. В.: «Вчера, после 52 дней царствования, его честная натура выползла во всей своей красе». Милютин после заседания прослезился. Они совещались 21/2 часа. Решено, что Кабинет будет собираться раз в неделю у государя, раз у Лориса.

Вечером Е. В. был в заседании Совета, сделал предложение, чтобы, по примеру Петербурга, всюду, во всех больших городах при губернаторах были организованы такие же советы. Его предложение было аплодировано. Баранов отвечал, что в ближайшем будущем это будет введено и что это будут не временные советы, а постоянные. Вчерашнее заседание у государя еще решило, что будут созваны представители от земств в Гос. совет в ближайшем будущем.

26 апреля.

Был сегодня Молчанов. Рассказывает, что он слышал, что будет введена избирательная система по приходам, а после вторая будет баллотировка из избранных, чтобы составить желаемое число.

30 апреля.

Вчера обнародован высочайший манифест. В нем только говорится, что надо побороть крамолу, подумать о воспитании детей, дружно помогать самодержавной власти. Мне кажется, что мы и без манифеста должны были так поступать, и, сказать правду, меня это послание не удовлетворило.

Сегодня пришлось выслушать много разных мнений. Казанцы совсем потерялись, прочтя это послание. Говорят, что вчера на бирже такая паника, какой не было после плевненского погрома, курс упал на 2 %. Говорят, вчера Абаза бегал по кабинету, как сумасшедший.

Золотницкий пришел сказать, что 5 министров подали в отставку: Лорис, Абаза, Николаи, Милютин и Набоков. Этому я не верю. Мне хочется думать, что реформы, о которых шла речь 21 апреля, осуществляются.

Газеты очень понизили тон, они не говорят, что думают о манифесте.

Был Костанда, рассказывал, что вчера на параде Лорис был не в духе, а Милютин очень грустный, – ему тяжело, что есть люди, которые своими советами губят Россию и делают вред государю.

По всей России загорается сильное волнение. Сегодня печатают, что в Киеве были произведены беспорядки людьми, приехавшими с севера. Нигилисты теперь работают здорово и наша рознь, наша беспечность им помогают против их желания и чаяния. Тяжелый был бы сюрприз, если бы Лорис оставил свой пост.

1 мая.

Манифест сам по себе написан так, что его страшиться нечего. Жаль, что министры его поняли как оскорбление, им нанесенное. Лорис подал в отставку, до сих пор еще неизвестно, принята ли она. Абаза и Милютин сделали то же. Такие три министра уйдут – кто их заменит? Это все дела Победоносцева и Каткова. Лорис и не знал о манифесте до его выхода в свет, печатали его в сенатской типографии. Косаговский пришел оттуда. Лорис никого не принимает, лежит больной в постели, так ему сказали, а канцелярия его и адъютанты – все как в воду опущенные. Абаза тоже, говорят,казывается больным. Правда, с ними поступили, как с детьми.

Был Селифонтов. Говорит, что совет 21 апреля государь созвал, чтобы вывести, кто что думает, с кем он имеет дело, и теперь их всех знает и действует согласно своим убеждениям.

2 мая.

Называют Игнатьева преемником Лориса.

Был Косаговский. Рассказывал, что будто 21-го, после заседания в Гатчине, вечером, Лорис, Абаза, Суворин и графиня Клейнмихель собрались у Нелидовой (еще было то лицо, которое это рассказало Косаговскому) и пили за победу 21 апреля.

Вернулись из Гатчины казанцы, государь их очень милостиво принял.

Факт свершившийся: Лорис ушел, на его место назначен Игнатьев. Милютин назначен на Кавказ. Абаза тоже уходит, называют вместо него Бунге. Вместо Игнатьева два кандидата: Островский и Качалов. Вместо Посьета – Бобринский (спирит или родстокист). Вместо Каханова – Куломзин. Вот назначение! Но, кроме двух первых, все последние – только слухи.

4 мая.

Янишевский рассказывает, что Воронцов-Дашков производит ужасно неприятное впечатление, – очень бесцеремонно обращается с царем, ездит козырем, без всякого почтения, имеет вид настоящего временщика.

5 мая.

Много новых арестов. Снова арестованы два моряка из минной команды, очень молодые люди и, говорят, на вид чрезвычайно порядочные.

Теперь снова мне рассказывали, что 21-го действительно было собрание у Нелидовой и был также и Милютин.

6 мая.

Рассказывают, что государь назвал Нелидову «стервой» и выслал ее из Петербурга.

Говорят, что в Москве готовят овицию Лорису. Все иностранные гости очень сочувственно к нему относятся.

7 мая.

La nouvelle du jour (Новость дня (*франц.*)) – выход в отставку Абазы. Это – крупное событие, до того крупное, что все этим заняты.

Деньги падают сильно. Сегодня на панихиде Ольденбургского, говорят, были люди, которые отворачивались от Победоносцева, не хотели ему кланяться.

Найдена мина, т. е. две кожаные подушки в 120 фунтов, под Каменным мостом. Найдена, говорят, мина под Балтийской дорогой. Государь должен был долго кружить по разным направлениям, чтобы в последний раз приехать в Петербург. Милютин, говорят, согласен остаться, но предупредил, что у него останутся его прежние убеждения, но что в Военном министерстве они не будут иметь никакой нужды высказываться.

Завтра государь приезжает на похороны Ольденбургского. Страшно даже подумать, что его могут ранить в толпе.

Говорят, что арестовано 5 моряков, Суханов в том числе, – все минной команды. Суханова выдала, говорят, прачка. Она принесла белье, хотела поставить на пол – он вскрикнул: «Осторожнее, может взорвать». Прачка сказала мужу, тот барину, барин Баранову. Тогда за Сухановым стали следить, увидели, что он выходит часто переодетый, кто у него бывает, и, таким образом, многих взяли. Взяли также сожительницу Кибальчица. Делают, кажется, серьезные аресты.

8 мая.

Теперь все хвалят циркуляр Игнатьева, каким уверенным тоном он написан. Еще год только прошел с воззвания Лориса к жителям столицы – и сколько уж произошло перемен.

Говорят, много взято офицеров всех родов оружия. Гейнс говорит, что в Казани он начал 12 дел крестьянских, где они оправдывали убийство царя.

Коростовец сидел долго, говорили о манифесте. Много написано так, что надо было бы два раза подумать, прежде чем объявлять всему народу. О дворянах там сказано, что покойный государь сумел их привлечь к делу освобождения крестьян, они всей душою откликнулись на призыв государя и охотно пожертвовали свое достояние.

В городе ходит слух, что Катков будет министром народного просвещения, – это насмешка. Говорят, что Милютина государь упросил остаться на один месяц. Абазу приезжал просить остаться вел. кн. Владимир. Сейчас Россия разделилась на два лагеря, где более вражды, нежели у турок с русскими. Одни – за самодержавие, другие – за кабинет, третьи – за конституцию. В этом хаосе ничего не поймешь.

9 мая.

Приехал Е. В. Говорит, что Москва недовольна манифестом. Рассказывают о приеме Игнатьевым министерства. Говорят, что он произвел хорошее впечатление. Он очень хитер.

У Лориса на приеме было всего 10 человек. Каковы люди!

Рассказывают, что Игнатьев пришел к Победоносцеву спросить, что делать, как работать. Последний отвечал: «Надо молиться». Игнатьев на это отвечал, что молиться он поручил жене, а сам намерен работать.

10 мая.

Был Кутайсов. Его посылают разведать и произвести следствие над жидовским делом. Рассказывают, Дондуков сострил насчет Игнатьева в прошлую войну. Когда пришлось проводить демаркационную линию, Игнатьев начал с местечка «Вранье». На это Дондуков заметил: «И тут Игнатьев с вранья начал».

11 мая.

Государь принимал сегодня депутацию евреев, сказал им, что они также отчасти виноваты, что их бьют, что они эксплуатируют население. Это было сказано между словами, и Воронцов позволил это напечатать. Но потом спохватились, что печатать опасно, и прислали Ивашкина-Потапова с запрещением.

16 мая.

Вчера Вяземский (по делам печати) собирал редакторов, с ними говорил. Они от него хотели добиться многого, но из его слов поняли только то, что стеснений не будет, что будет по-прежнему царствовать либерализм; ему даже (т. е. Вяземскому) один редактор Полонский предложил, чтобы они начали с того, что простили бы все предостережения. Много говорили пустого и редакторы, и Вяземский. Это рассказал Е. В. Бильбасов, за которым уже начинает сильно ухаживать Игнатьев, а Катков (говорил Маркевич) уже начинает разочаровываться в Игнатьеве, которого все хвалил.

17 мая.

Князь Гагарин говорил, что во вторник Милютин прощается с министерством. Его пре-емником называют Ванновского; говорят, большой интриган. Милютин сказал государю, что едет в Крым – «Там буду писать историю царствования моего государя». Правда, государь обижает прежних слуг своего отца. Говорят, что многие уйдут в отставку, когда будет назначен Ванновский.

18 мая.

Зашел Баранов. Рассказывал, что многие теперь говорят, что Лорис – цареубийца, что было показание Гольденберга (стр. 11 или 9), где он говорит, что есть подкоп на М. Садовой, что будто книга эта была напечатана в 30 экземпляров и что Лорис это читал и не придал этому сообщению никакого значения. Каханова отставка уже принята.

Рассказывают, что Милютин побледнел и задрожал, когда узнал, что назначен будет Ванновский. Он сказал государю, что половина Генерального штаба уйдет. На это государь будто бы отвечал, что никого не намерен удерживать – пускай уходит кто хочет.

19 мая.

Теперь всех занимает результат выборов Лориса почетным гражданином Петербурга. Он избран 135 голосами против 45-ти. Говорят, Бобринский говорил против Лориса, находя, что во время его управления Россию постигло самое большое несчастье. Газетам запрещено писать об этих выборах. Лориса продолжают по-прежнему очень жалеть, все слои общества ему сочувствуют.

21 мая.

Был Эйлер, рассказывал, что решено Константина Николаевича совсем стушевать из Морского министерства.

25 мая.

Много толков о гатчинском обелиске. Некоторые говорят, что это дело рук человеческих, а совсем не грозы, что это брошено с аэростата, и другие догадки... Не дай бог, чтобы это была правда, но от нигилистов всего можно ожидать, они до всего дойдут.

1 июня.

Был Бриллиантов. Говорили о новых назначениях. О Бунге он сказал, что Бунге без Абазы то же, что в карточной игре король без туза.

Бедный киевский митрополит сошел с ума. Ему все кажется, что он еретик, проклятый православной церковью.

4 июня.

Утром приходил Калугин, говорил, что Кобозев арестован. Оказалось – тоже моряк.

6 июня.

Сегодня Е. В. был у Каханова. Каханов рассказал ему много интересного. Он иначе не называет Игнатьева, как лгуном. Правда, теперь трудно быть министром. Говорят, под Каменным мостом найден еще ящик и в нем большое количество динамита.

7 июня.

Сегодня вечером Е. В. долго работал с Игнатьевым. Толковали про Пожарное общество. Победоносцев высказался в Комитете министров против этого общества, сквозило в его нападках, что ему противно то общество, где написано имя Лорис-Меликова.

Сегодня в «Новом времени» – фельетон Суворина из Висбадена. Говорит про Лориса и разбирает письма, писанные двумя русскими еще до события 1 марта, но напечатанные Брокгаузом после. Суворин не знает, что они написаны Фадеевым одним, а Воронцов-Дашков их только, верно, прочел.

1888 год

2 января.

Вспомнила рассказ митрополита Исидора про московского митрополита Филарета. Он был у него в это время викарием. Во время праздников Пасхи у митрополита Филарета собралось много дам. Исидор, как викарий, пришел с докладом и слышал, как одна дама спросила владыку: «Почему спаситель по воскресении своем явился сперва мироносицам?» На это митрополит отвечал: «Потому что ваша братия очень болтлива, а это событие надо было, чтобы всем было известно». Вот какое мнение о женщинах существовало даже и в самые отдаленные времена.

Е. В. рассказал про Орлова, который подписал мир после Крымской войны. После подписания он обедал в Тюильри. Императрица Евгения во время обеда попросила его передать ей цветы, которые находились возле него. Орлов собрал цветы, но, найдя неприличным подать их просто императрице, он шутя взял серебряную тарелку, которая стояла у прибора, свернул ее в трубочку, и в этом импровизированном порт-букете подал Евгении цветы. Французы долго не могли забыть этот фокус.

Говорят, Богарне заболела корью. Это, верно, из сочувствия к Алексею Александровичу. Вот насмешка судьбы! Еще более эти два имени будут теперь связаны.

3 января.

Сегодня был Кавелин. Рассказывал про Победоносцева, что он любит деньги. У жены его в 4 верстах от Смоленска есть маленькое имение, в нем флигель о пяти комнатах. Суворова (рожденная Базилевская), желая видаться и сблизиться с Победоносцевым, зная, что они там проводят иногда месяц, а иногда и более, наняла у них этот домик за 800 руб., ему же красная цена 100 руб., – достигла своей цели и подружилась с ними. Что деньги делают!

5 января.

Был Марков. Он очень хлопочет о деле Дервиза – об опеке, о снятии ее. Дурново сказал Е. В., что Победоносцев противится снятию, что представил всем министрам цифры, где оказывается, что Дервиз почти все состояние промотал; называют Ададурова злодеем. До чего доходит подлость Победоносцева – прямо невероятно и непостижимо! Вот низкий в полном смысле человек!

15 января.

«Общество народного труда», учрежденное графом Игнатьевым, закрыто, его устав не утвердили. Оказалось, что правление этого общества собирало деньги по всей России и проживало их, не тратя ни копейки на вспомоществование кустарям и ремесленникам, ограничивалось только тем, что давало советы, где купить машины, как устроить артели, а деньги шли на содержание канцелярии. Всем делом орудовал П. А. Мясоедов.

Вишняков говорил, что Плеве очень ищет популярности, а также знакомств со связями.

18 января.

Завтра разбирается в Комитете министров дело об опеке Дервиза. Кушелев говорит, что государь очень недоволен, что его подвели. Дурново, говорят, открыто выступил против Победоносцева. Это мужество, которого я от Ивана Николаевича не ожидала.

Узнала, что у Черевина сын в Николаевском корпусе. Это – незаконный сын. Когда стреляли в Черевина, то после выстрела шепнули государю, что для него будет самой большой наградой, если ему позволят его усыновить. Государь позволил это. Черевин его обо-

жает. Он в одном классе с молодым Дервизом, который, узнав, что сын, по примеру отца, любит шампанское, выписал огромное количество и им угощает сына, за что снискал себе покровительство в Черевине-отце. Вот разгадка, почему так закипело это дело. Победоносцев переживает тяжелые минуты, но он из тех, которые, как кошки, всегда падают на ноги.

19 января.

Утром пришел Шидловский (харьковский губернский предводитель дворянства). Говорили о студенческих беспорядках – он говорит, что их не было. Говорил, что Манасеин (министр юстиции) во время посещения Харькова вел себя весьма бестактно, внушил к себе отвращение. Во время приема чинов своего министерства он обратился к одному члену суда и спросил его, сколько у него долгов. Тот так сконфузился, что отвечал: «15 тысяч». Другому сказал, что стар и пора ему подумать об отставке; к старшему нотариусу также обратился с дерзостью. Все это произвело тяжелое впечатление. Сейчас видно, что он – *un parvenu* (Парвеню, выскочка (*франц.*)).

20 января.

Дело Дервиза, которое должны были рассматривать вчера, отложено по случаю болезни Манасеина, который сильно им расстроен и не прощает себе, что поверил голословно Победоносцеву и дяде Дервиза. Министры тоже все возмущены, что подписали, доверяя словам Победоносцева, и хотят ему учинить скандал. Даже думают, что Победоносцеву будет плохо.

Обедали у нас *m-me* Маркевич и Колышко. Говорили, что Всеволожский, муж Савиной (актрисы), разорил ее, что она за него подписала векселей на 120 тыс., а теперь не может на сцене одеть своих бриллиантов, переменила квартиру, так как у мужа очень много долгов.

22 января.

Слышала много новостей из разных источников. Все скандалы. У Демидовой Сан-Дonato, вдовы, родился ребенок в Киеве от второго викария киевской епархии.

Вел. кн. Николай Николаевич пришел к отцу своему просить его разрешения на его брак с купчихой Бурениной. Отец, зная воззрения царя, сказал ему обратиться к нему. Николай Николаевич поехал к вел. кн. Владимиру Александровичу и передал ему слова отца. Узрев из них согласие отца, Владимир Александрович сказал царю, который в первую минуту изъяснил будто бы согласие. Николай Николаевич, счастливый, поспешил известить отца, который громовым голосом крикнул, что этому не бывать, но Николай Николаевич убежал от него, уехал в Царское, сделал обед, пригласил всех знакомых своих и Бурениной, и во время обеда они обменялись кольцами. В это же время отец поспешил к царю, который, узнав истину, ужасно возмутился, что его ввели в обман, и отнял согласие, им данное. О Бурениной говорят, что это – вполне продажная, публичная женщина.

Два сына Михаила Николаевича тоже задумали жениться: старший, Николай, – на княгине Нелли Барятинской, а Михаил – на дочери Н. П. Игнатьева (бывшего министра внутренних дел). Государя возмутили эти свадьбы, так как Барятинская имеет мужа, а про бедную Игнатьеву выдумали, будто у нее два года тому назад был ребенок, и согласия царя они не получили. Об этих свадьбах весь город говорит.

Поражает меня молодежь! Все это она знает, обо всем судит. Наивен разговор двух товарищей: Барятинский говорит Долгорукову, что он сын Петра Шувалова, тот очень спокойно ему отвечает, что, по его расчету, он сын Вердера (бывшего прусского уполномоченного). Каков ответ!

Теперь у Е. В. сидят Марков и Ададуров. Представляя его, Марков сказал: «Вот вам государственный преступник». Тот поправил, сказав: «Просто злодей, мошенник». Как у нас, право, легко относятся к чести, к доброму имени человека.

23 января.

Утром был Кавелин. Говоря о Ливадии во время пребывания там покойного государя, он рассказал, что, когда он жил там в качестве таврического губернатора, раз при нем государь встретил в саду утром Черевина, совсем пьяного. Государь его спросил: «Где это ты так рано успел?» «Везде, ваше величество», – был ответ. Кавелин говорит, что эти господа ходили с утра в ливадскую аптеку, и аптекарь им готовил разного рода смеси водок и наливов.

25 января.

Был Черняев. Он очень мрачно рисует положение России. Говорит: избави бог войны! Нас расколотят совершенно, так что не только отнимут у нас, что хотят, именно Балтийский и Привислинский край, и заставят нас платить 50 млрд. контрибуции, как это думает Татищев, но, по его мнению, поступят с нами еще хуже. Что уже в минувшую войну обер-офицеры и генералы вели себя дурно, прямо прятались от огня, но что в эту войну и солдаты, и молодые офицеры будут не лучше. Что если бы можно было нанимать вместо себя чужое войско, он уверен, что все понесли бы последние гроши, чтобы не идти на войну. Что грамотность для солдата гибельна, что реформы Милютина сгубили армию, что война неудачная может повести далеко, что может явиться династический вопрос, а что война будет несчастная – в этом он не сомневается. Главнокомандующим называют вел. кн. Николая Николаевича, на Кавказе называют, что будет Дмитрий Святополк-Мирский; командующими армиями называют Ганецкого, Гурко и вел. кн. Владимира. Кроме Гурко, ни одного человека с престижем. А затем масса генералов и офицеров с немецкими фамилиями. Если один из них проиграет сражение – свои же его убьют, думая, что изменил. Грустно все это.

Говорят, когда государь с императрицей ехали из Аничкина дворца на последний бал, государь вдруг заметил, что кучер его проехал Салтыковский подъезд, в котором они выходят, и поехал дальше по набережной. Царь, изумленный и встревоженный, открыл окно и закричал: «Корнилий, куда ты едешь?!» Кучер остановился. В это время подлетел Грессер, и тут оказалось, что государю на козлы посадили нового кучера.

27 января.

Дорофеева Ш., царскосельская жительница, рассказывала, как вел. кн. Николай Николаевич-младший афиширует себя с Бурениной. Все лабазники – ее родственники. У нее на днях упала лампа, вел. князь тушил и очень обжегся. Ей рассказывал доктор Шепелев, который лечил вел. кн. Николая Николаевича.

Говорила, что там известно, что Сергей Александрович живет со своим адъютантом Мартыновым, что жене предлагал не раз выбрать себе мужа из окружающих ее людей. Она видела газету иностранную, где было напечатано, что приехал в Париж *le grand duc Serge avec sa maitresse m-r un tel* (Вел. кн. Сергей со своей любовницей – господином таким-то (франц.)). Вот, подумаешь, какие скандалы!

29 января.

Приходил Нарышкин, его жена – львица нынешнего сезона, их всюду зовут во дворцы. Говорил с искренним сожалением о дочери графа Игнатьева, которой не позволили выйти замуж за Михаила Михайловича. На ней лица нет, родные ее вывозят, она же очень грустная, даже члены императорской фамилии ее вчера жалели. Отец и мать соглашались на брак

сына, но царь отказал Михаилу Николаевичу, когда он приезжал просить его позволения, а Михаилу Михайловичу сказал, когда перед отъездом тот ему представлялся: «Когда ты едешь?» – и больше ничего. Его послали в Карлсруэ поздравлять кого-то с серебряной свадьбой. В обществе думают, что если бы вместо Игнатьевой была Воронцова или Долгорукая, то государь позволил бы, но что он Игнатьева не терпит.

1 февраля.

Был бывший харьковский исправник Сукачев. Он рассказывал, что виделся с экс-профессором Московского университета Ковалевским, который ему передал следующее по поводу своей отставки. Прошлой весной он получил предложение из Парижа перейти в Парижский университет читать лекции. Ему давали в год 10 тыс. руб., он же просил 15 тыс. По этому поводу у них завязалась переписка. Об этом узнали в Министерстве народного просвещения. Делянов бумагой спросил Ковалевского, правда ли это. Он отвечал утвердительно и прибавил, что, по его мнению, читая в Париже лекции, он принесет России больше пользы, так как это послужит к сближению обоих государств (Ковалевский читал государственное право в Московском университете). Не так посмотрел глупый Делянов, и Ковалевский был уволен по прошению, не прося отставки. С него взята подписка, что он не уедет за границу, и над ним учрежден полицейский надзор. Теперь он поселился в своей деревне, Харьковской губернии. Он очень богат и мечтает все продать, оставить себе 100 тыс. руб., а все остальное подарить Швейцарии и с чужим паспортом уехать из России.

Сукачев говорит, что он никогда не был нигилистического направления, но Брызгалов ненавидит его за то, что его очень любили студенты. Правда, что у него было либеральное направление, но от этого до нигилизма далеко, а Брызгалов всегда на него делал доносы начальству, и нередко фальшивые. При Мезенцеве, значит, уже Брызгалов начал его топить.

2 февраля.

Был Михаил Сергеевич Волконский. Сказал, что Ковалевский, начиная раз свою лекцию, сказал приблизительно следующее: «Господа, я должен вам читать о государственном праве, но так как в нашем государстве нет никакого права, то как же я вам буду читать? Но так как читать приходится, то я буду читать вам про право, более подходящее к тому, которое практикуется у нас», – и проч. По началу речи видно, что этот человек возбуждал молодежь. Волконский еще назвал Муромцева, который больше не читает, и Чупрова, который продолжает читать, что они всегда волновали молодежь.

Говорили про смерть Мосолова, Левашова. Е. В. спросил его насчет записок его отца, декабриста. Он хочет их привести в порядок и со временем напечатать. Записки эти доведены до 1825 года, начало образования тайного общества в них подробно описано. О Чернышеве (военном министре) Волконский сказал, что он в глазах декабристов покрыт черным пятном. На допросе отец Волконского все молчал, тогда Чернышев не выдержал и поставил ему в вину его сдержанность, воскликнув: «Генерал, князь Волконский, стыдитесь, вы показываете меньше простого прапорщика!» Я думаю, очень интересны эти записки. В записках Левашова-отца есть много бесцветного, отдельную интересную книгу из них нельзя составить.

14 февраля.

Пришел Оржевский. Продолжает ругать Грессера. Удивляется, что, получая 6 тыс., он ведет такой *train* (Образ жизни (*франц.*)), особенно она, что лучше одевается, чем его жена. Прямо говорит, что оба берут взятки. Затем бранит полицию, которая ничего не делает, и говорит, что не удивится теперь никаким покушениям, что он уверен, что эти «милостивые государи», так он их называет, теперь спокойно работают. Опять рассказал, как было дело

1 марта. Этих людей – Андреюшкин, Генералова и третьего (забыла) – выследили филеры, полиция ни при чем. Сыскное отделение при градоначальнике получает ежегодно 120 тыс. и ничего ровно не делает, а на те же дела III отделение получает на всю Россию 90 тыс., а это отделение и открыло этих злоумышленников.

Один наш знакомый сказал однажды Победоносцеву, как он взял к себе в Синод такого чиновника, которого все считают подлецом. Победоносцев схватился за голову и воскликнул: «Да кто теперь не подлец?» – типичный ответ, значит, сознает, что и он такой же.

15 февраля.

Олендский рассказал нам взгляд митрополита Исидора на дам. Говоря про его жену, он сказал ему, что она очень худая, – верно, музыкантша. Отчего у него такой взгляд сложился, что музыкантши худые, не понимаю. Затем посоветовал ее отправить на воды и, узнав, что у него на его Пермском заводе есть целебный источник, посоветовал туда послать, сказав, что везет ее в Италию.

«Женщины ничего не смыслят в географии. С ними можно только действовать обманом. Есть там горы – она и поверит, что она в Италии». Если это правда, то очень оскорбительно.

Меня возмущает поведение некоторых дам с владыкою. Сегодня Олендская рассказала, как баронесса Лизандер спряталась у него под столом, что они всюду ее искали. Это неприлично.

Адамович рассказала, что сочинили герб Вышнеградского: нарисован ворон с обрванными крыльями, на нем лента; на одном конце ленты написано: «вор он», а на другом: «roug qu'il ne vole plus» (Пусть он больше не летает (*франц.*)). Очень зло.

Клоун в цирке показывает трех свиней и говорит:

«grosser, grosser, noch grosser» (Больше, больше, еще больше (*нем.*)). Намек на Гресера, что он олицетворяет собой этих трех животных. А после этого говорят, что только французы острят.

25 февраля.

Говорят, что княгиня Юрьевская будто вышла замуж за своего домашнего доктора Любимова, и оба приняли французское подданство, что она поэтому лишается 100 тыс. пенсии. Мне не верится. Любимов был прежде доктором в Москве, красив собой, но плохой доктор. Неужели вдова покойного государя могла себя до этого унижить? Про нее все говорят, что она глупа.

13 марта.

Был Николаев. Говорил, что отъезжающих за границу, в Канн, вел. кн. Владимира и его жену провожали такие-то и полковник Николаев, который был известен тем, что состоял в близких отношениях с Марией Павловной, а до Гатчины провожал вел. кн. Николай Николаевич-младший. Теперь она в него влюблена, и говорят, как кошка. Ему же она противна. Говорят, что вел. кн. Владимир уже не может быть мужем, она же очень страстная женщина. Этот быстрый отъезд всех поражает. Императрица не любит Марию Павловну, которая ведет распутную жизнь. Считали, кто из мужей верен своей жене. Про государя до сих пор ничего не говорят, затем Толстой ни за кем не ухаживает, И. Н. Дурново ни в чем не замечен. У Вышнеградского есть какая-то вдовушка, которая живет у Покрова и которая им скудно оплачивается. Каждый в чем-либо грешен.

17 марта.

М-ме Олендская рассказала ужасы насчет доверчивости митрополита. У Базилевской, где владыка часто бывает, бывает также очень бурный человек, Насветевич, который находится на побегушках у сына Базилевской. Этот господин, без ведома митрополита, снял его фотографию в ту минуту, когда владыка после обеда сидел на диване, перед ним на столе стоит бутылка шампанского, с одной стороны около него сидит авантюристка графиня Цукато, которая положила ему голову на плечо, а с другой – м-ме Дуббельт держит его за руку. Эту фотографию он выставил на фотографической выставке, где она находилась два дня, но была замечена и скоро удалена. Говорили, что Базилевская, старуха, когда об этом узнала, была страшно расстроена.

Е. В. находит, что неприлично, что его карета всегда так долго стоит у Базилевских, – он приезжает в 2 часа, а уезжает в 8. Этим он утрачивает свое обаяние. Олендская обещала сказать, чтобы карету ставили во двор. Она говорит, что он там отдыхает, и Дуббельт ходит его укладывать.

19 марта.

Завтракали у нас Каульбарс, Кутайсов и Григорьев. Кутайсов хвалил остзейские порядки, что было приятно барону. Говоря о назначении одного губернатора в Остзейскую провинцию, сказал, что государь спросил: «Не рязанец ли он?» Намек на то, что Толстой всюду сажает своих рязанцев. Кутайсов сказал, что войдет во всякое общество, которое будет поддерживать остзейских пасторов, но никогда не войдет в такое общество, которое поддерживает пьяных попов.

21 марта.

Влетела баронесса Лизандер, которую мы видели у митрополита и которая называет себя его адъютантом. Пришла сказать, что на выставке была другая фотография владыки, а именно – когда его подсаживают в карету после обеда у Базилевской, но что рядом с этой фотографией было много других, содержание которых требовало, чтобы они не стояли рядом, а именно – разные прогулки в саду семьи Базилевских, стол, уставленный бутылками шампанского, и проч. Владыка, когда об этом узнал, сказал, что никуда никогда больше не поедет. Одно мне не нравится в Лизандер, что она митрополита все называет «душкой», а затем передает ему все, что слышит у митрополита Платона, и тем их ссорит. Платон сказал, что она влюблена в владыку, что, если бы Исидор не был монахом, какая из них вышла бы пара: он маленький, она большая. Она эти слова передала Исидору. Затем Платон предложил ей взять яблоко. Она взяла красное, он ей на это сказал: «И тут видно, что митрополита Исидора любите, – взяли красное, а бледного, как я, не хотите». Нахожу, что это не митрополичьи разговоры.

4 мая.

Утром был Кушелев. Говорили о спиритизме. Он говорил, что Макаровы, дом которых находится против нас, устраивают у себя сеансы, но что медиумы там всех надувают и он у себя проделал все фокусы, которые делают у Макаровых. Рассказал, что герцог Евгений Лейхтенбергский сказал его жене, что ему сдается наверное, что он сын актера Bussant. Как гадко так говорить о матери!

Говорили о митрополите. Кушелев тоже находит, что он роняет свое достоинство, позволяя какой-то Лизандер с ним разные вольности. Кушелев говорит, что прощает это митрополиту, так как он не бог и плоть у него немощна. Я бы ничего не сказала, если бы все это делалось не напоказ. Эта женщина ужасного воспитания.

О Дуббельт Кушелев говорил, что она очень бестактна. Раз она привела его в ужасное положение. К ней пришел вел. кн. Константин Николаевич в то время, когда Кушелев ей

говорил стихи на крестины его внуков; первые, сочиненные Грейгом, а вторые им – «Вот мчится тройка удалая». В стихах говорилось, что лошади все имеют недостатки, а именно: Грейг страдает подагрой, Зеленой – тоже, а в середине старая дева, и на руках у нее князь Иван. Через год снова крестины, и та же мчится тройка, «все те же рыла, а на руках у девы князь Гаврила». Это насмешка, и вдруг бы ее сказать дедушке. Бывают бестактные особы: она хотела, чтобы Кушелев повторил это Константину Николаевичу.

5 мая.

Вчера я убежала от митрополита, чтобы не сказать дерзостей этой Лизандер, которая с ним обращается очень вольно. Он хотел почесать глаз, она схватила его руку и сказала: «Не смей!» С восторгом рассказывала, что причащалась у владыки, у него разговлялась.

Рассказала, что была на исповеди у священника Желобовского, который хохотал, когда она исповедовалась у него. Она ему сказала, что влюблена в духовное лицо. Тот сказал, что нехорошо это, если у него есть жена и дети, нехорошо ей его смущать. Она расхохоталась и сказала, что он не женат и что он «душка». Все это она говорит про митрополита. Потом говорила про Платона, называла его злючкой и гадким, показывала, как она его щиплет, что она ему всю репутацию испортила. Платон будто говорит ей комплименты и все спрашивает; «Маша, ты меня не любишь?» Рассказывала, что у Платона бывает бог знает кто, что дамы, которые к нему приходят, похоже, что они пришли с рынка. Будто ей Платон несколько раз говорил: «Маша, будь со мною добра, веди себя со мною любезно».

Можно себе представить, какое тяжелое испытываешь впечатление, когда слышишь у святителя церкви такие речи, и что он не останавливает такую подлую женщину. Теперь об этом все начинают говорить. Лавра же заброшена, служба там производится небрежно, и все жалуются. Пример свыше дурной; как допустить эту чучелу кряду 8 дней ездить к себе и не закрывать ей дверей? Это будет, наверное, скандал, а владыка ничего дурного тут не находит.

10 мая.

Завтракал Moulin. Рассказывал, что французское правительство прислало сюда делегатов-банкиров, чтобы предложить России заем на очень выгодных условиях. Цель их состояла в том, чтобы на эти деньги Россия могла бы еще усовершенствовать свое оружие и построить несколько стратегических дорожек, а также на главных линиях второй путь, чтобы в случае войны скорее произвести мобилизацию войск, но здесь все это не уразумели и отказались от займа. Лабуле сказал Moulin, что он занимается опасными вещами, но это его дело; он только нашел необходимым его предупредить, так как этим он может нажить себе врагов. Moulin смотрит здраво на дело и говорит, что если он ничего не будет делать, то какой же он будет агент своего правительства. Он привез в подарок Ванновскому план Мольтке на случай войны, который французы купили у немцев, собирается говорить с Ванновским и о деле займа, ибо находит очень важным столько же для нас, сколько для Франции, чтобы мы были более подготовлены к войне. Мельком рассказал, как поймали Анненкова, который показал банкирам в Париже бумагу, будто бы подписанную Вышнеградским, и которая оказалась фальшивой. Резанов заметил в статье Татищева «Болгария и Россия», которую запретили теперь печатать в «Новом времени», что Татищев отдал Игнатьева, говоря, что Сан-Стефанский договор был написан весь в пользу славян, а Берлинский конгресс, где присутствовал гр. Шувалов, – в пользу Европы. О России ни тот, ни другой не подумал.

Был Романченко. Говорили о Плеве. Он его находит честным, прямым человеком, говорит, что Плеве всегда исполнит то, что обещал, что на его слово можно положиться, Дурново был не такой. Он был ближе к Толстому, ходил к нему очень часто, без доклада всегда, но часто ему не высказывал того, что, бывало, сообщал другим. Но Плеве имеет гораздо больше значения у Толстого; что он, хотя и не ходит к Толстому каждый день и всегда испраши-

вает раньше аудиенцию, но мнение его Толстой всегда принимает к соображению, и всегда бывает так, как доложил Плеве. Но все-таки Дурново больше любим Толстым. Об Игнатьеве Романченко сказал, что он добрый человек, но невероятный лгун. Всегда спешил, всегда у него было мало времени, возил страшно много докладов государю и часто к нему их посылал, чего не делает Толстой – он более 20 никогда не берет. Теперь Плеве много решает дел без графа.

12 мая.

Романченко рассказал, будто взятый около дома Министерства государственных имуществ человек с револьвером в руке хотел убить Толстого. В день очередного доклада Толстого этот человек, фамилия его Карин, шесть раз в 10 часов (время, когда уезжает Толстой) прошел около его подъезда. Городовой и швейцар Плеве его заметили. Но в этот день Толстой, чувствуя себя нехорошо, не поехал, а послал Романченко извиниться. Но этот человек этого не знал – в 12 часов он снова вернулся. Тогда здесь оказался филер (швейцар Плеве думал, что это новый агент Пузанова) и начал за ним следить. Наконец он не вытерпел и спросил, скоро ли его оставят в покое, затем сказал, что хотел убить Пузанова за обиду в театре, а потом заявил, что хотел себя убить и, чтобы придать себе храбрости, ходил и искал портерную. Тут его схватили и посадили. Пузанову Грессер и Шебеко приказали ничего об этом не говорить Толстому. В 8 часов приехал Шебеко и просил Романченко доложить графу. Но Романченко сказал, что граф лежит болен. Тогда он начал ходить по комнате. В это время неожиданно спустилась к мужу графиня. Он бросился к ней, стал ей что-то говорить, она ушла к графу, вскоре и его туда пригласили. После него приехал Грессер. На другой день граф спросил Пузанова, почему он ему ничего не сказал. Пузанов отвечал, что ему велели молчать. Хотели сами объявить, чтобы уменьшить заслугу Пузанова. Грессер же сделал ему выговор, что он арестовал Карина на улице.

13 мая.

Пришел Каульбарс. Е. В. ему сказал, что, верно, отношения Марии Павловны ко двору хороши, так как она всюду является с императрицей. Он на это сказал, что часто это означает обратное. После известного письма Боби Шувалова он раз пришел в Царском к Владимиру Александровичу. Входя с ним в залу, они увидели Шувалова, которого вел. князь очень дружески встретил, затем увел его к жене. Завтрак запоздал на 20 минут. Когда вышли вел. князь с женой и Шувалов с женой, все, кроме вел. князя, были страшно красны, и во время завтрака все внимание хозяев было обращено на Шуваловых. После завтрака Каульбарс сказал вел. князю: «*Monseigneur, maintenant je ne comprends rien*» (Ваша светлость, теперь я ничего не понимаю (*франц.*)). На это вел. князь отвечал: «*Il y a beaucoup de choses, que vous ne pourrez comprendre jamais*» (Многого вы не сможете понять никогда (*франц.*)).

16 мая.

Вчера слышала от Кितिцына следующий рассказ. Вел. кн. Константин Николаевич, прогуливаясь по Павловску с Рамзаем, встретил урядника, который отдал ему честь. Вел. князь остановился и подал ему руку. Рамзай выразил ему свое удивление, как это он подал руку уряднику. На это Константин Николаевич сказал:

«Что же тут удивительного? Сегодня он урядник, а завтра может быть губернатором».

9 июня.

Ездил к Толстым в Пирогово. Толстой сказал, что его брат Лев говорит, что если будет царский манифест объявления войны, то он, Толстой, издаст тотчас же свой манифест про-

тив войны. Там у них была сестра их, графиня Толстая, которую эта фраза, повторенная братом, покорила.

29 июня.

Вел. кн. Мария Павловна в Варшаве выехала на смотр с мужем верхом, и мимо них прошли войска. Оба они ищут популярности. Императрица ее не любит.

9 июля.

Рассказывали, что приезд в Тулу вел. кн. Владимира сопровождался рядом скандалов. Он уехал недовольный. Всего там было 6 дворян. Подарок тульских дворян Владимиром Александровичем был принят нелюбезно. Как видно, здесь он потерпел неудачу.

14 июля.

Сегодня канун великого торжества. Завтра в Киеве и по всей России празднуется крещение Руси 900 лет тому назад. Воображаю, какою торжественностью это обставлено в Киеве.

Была старуха Толстая, сестра Толстого. О брате сказала, что он не рисуется, как многие это думают, что он все еще ищет убедиться в существовании души и ее бессмертии. Последнее его сочинение «Из жизни», которое было остановлено духовной цензурой, до того запутанно и так неясно выражена его мысль, что, читая, начинаешь думать, что он впал в детство. Говорила, что соглашается с людьми, которые находят, что Лев Толстой получил поверхностное образование; хотя он в последнее время и много читал, но у него ум неглубокий, он превратно толкует Священное писание, с которым тоже мало знаком. Он Евангелие вряд ли читал более одного раза. Нужно, читая его книги, всегда спросить его объяснения, которое он сам охотно дает, но противоречий не любит и сердится, а с его объяснениями трудно соглашаешься. Она рассказала, что, уже будучи студентом, ее брат пописывал, но никто не принимал его писаний всерьез. Затем он уехал на Кавказ, и первое, что было напечатано из его сочинений, было «Детство и отрочество», затем «Казаки». Его талант был для всех настоящим сюрпризом. Никто из его детей не унаследовал этого таланта, может быть, кто-либо из малюток, но старшие – нет. Он терпеть не может гувернеров и гувернанток, находя, что это совершенно не нужно, бесцельно, противно его убеждениям. Она говорила, что он, как и брат ее Сергей, смеется над религиозными чувствами. Братья Толстые того мнения, что если хочешь молиться, то помолись сам, не прибегая к рясе.

Французский «Gaulois» все доискивается причины приезда в Петербург императора Вильгельма и, между прочим, пишет, что во время болезни покойного императора у него пропало со стола много серьезных бумаг, между ними одна, касающаяся будущих военных замыслов Германии, составленная Бисмарком. В краже подозревают или императрицу Викторию, или доктора Макензи. Теперь эта бумага находится в руках английской королевы, которая может все передать России, которую тоже в ней не щадят. Чтобы Россия, узнав об этом, не слишком враждебно относилась к Вильгельму, он и приехал в Петербург, поставив себе задачей устроить свадьбу своей второй сестры с нашим наследником. Все это сказки. Французы боятся сближения России с Германией. Но я верю нашему царю. Он справедлив, честен и в обиду никого не даст, благо, что теперь своею твердостью приобрел себе первый голос в политике.

17 июля.

Приехали соседки Ивашкины, две старые девы. Говорили про Льва Толстого. Он ходит мазать печи у крестьян, чтобы о нем говорили. Если бы это сделал у себя, то никто бы не знал. Когда он приходил в прошлом году к брату, утром он вдруг пропал. Его искали весь

день. Оказалось, он пошел пахать одному мужику его поле. Это был сын кормилицы одной из его дочерей, который был нездоров в эту минуту. Все свое состояние он перевел на имя жены и считает себя ее поденщиком. Недавно здесь был пожар в его соседстве, он выпросил у жены 25 руб., чтобы дать погорельцам. Сгорело, говорят, дворов около 12-ти. Какая же это помощь! Дочь его Татьяна, когда была у нас последний раз, говорила, что все они собираются идти за 100 верст в Оптину пустынь и она пойдет в лаптях. Большие оригиналы эти Толстые.

22 июля.

Поехала к Толстым. Дочери Толстого подпадают под влияние дяди Льва, отказываются от мясной пищи. Верочка собирается на днях по вызову Татьяны Толстой в Ясную Поляну вязать и жать рожь. По этому поводу завязался разговор. Сестра Толстого начала нападать на брата Льва, что он и себе портит здоровье и другим, что с тех пор, как он начал вести эту жизнь, он все хворает, у него непонятные боли в желудке от растительной пищи и от чрезмерных физических трудов.

22 октября.

За последние дни – ужасная катастрофа на Харьковско-Орловской дороге 17 октября. Без содрогания нельзя слушать подробности крушения царского поезда. Непостижимо, как господь сохранил царскую семью. Вчера Салов рассказал нам подробности, переданные ему Посьетом, когда они вчера возвращались из Гатчины, по приезде государя. Царский поезд состоял из следующих вагонов: два локомотива, за ними – вагон электрического освещения, вагон, где помещались мастерские, вагон Посьета, вагон II класса для прислуги, кухня, буфетная, столовая, вагон вел. княжен – литера Д, литера А – вагон государя и царицы, литера С – цесаревича, дамский свитский – литера К, министерский свитский – литера О, конвойный № 40 и багажный – Б. Поезд шел со скоростью 65 верст в час между станциями Тарановка и Борки. Опоздали на 1 1/2 часа по расписанию и нагоняли, так как в Харькове предполагалась встреча (тут является маленькая темнота в рассказе: кто приказал ехать скорее?).

Был полдень. Ранее обыкновенного сели завтракать, чтобы кончить его до Харькова, который уже отстоял только на 43 версты. Посьет, выходя из своего вагона, чтобы идти в царскую столовую, зашел в купе к барону Шернвалю, звал его идти вместе, но Шернваль отказался, сказав, что у него есть чертежи, которые ему необходимо рассмотреть. Посьет ушел один. В столовой собралась вся царская семья и свита – всего 23 человека. Маленькая вел. княжна Ольга оставалась в своем вагоне. Столовая была разделена на 3 части: посредине вагона – большой стол, с двух боков столовая была отгорожена – с одной стороны помещался обыкновенный стол для закуски, а за другой перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты. Посредине стола с одной стороны помещался государь, имея по бокам двух дам, а с другой стороны – императрица, справа у нее сидел Посьет, а слева Ванновский. Где стояла закуска, там сели царские дети: цесаревич, его братья, сестра и с ними Оболенский.

В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, гурьевскую кашу и лакей поднес государю сливки, началась страшная качка, затем сильный треск. Все это было делом нескольких секунд – царский вагон слетел с тележек, на которых держались колеса, все в нем превратилось в хаос, все упали. Кажется, пол вагона уцелел, стены же приплюснулись, крышу сорвало с одного бока вагона и покрыло ею бывших в вагоне. Императрица захватила Посьета при падении за бакенбарды.

Первый на ноги поднялся Посьет. Увидя его стоящим, государь, под грудой обломков, не имея сил подняться, закричал ему: «Константин Николаевич, помогите мне выкарабкаться». Когда государь поднялся и императрица, увидела, что он невредим, она вскричала:

«Et nos enfants?» (Что с детьми? *(франц.)*).

Слава богу, дети все целы. Ксения стояла на полотне дороги в одном платье под дождем; на нее накинул телеграфный чиновник свое пальто. Михаила отыскиали, зарытого в обломки. Цесаревич и Георгий тоже были невредимы. Когда нянька увидела, что стенка вагона была разбита, она выбросила маленькую Ольгу на насыпь и сама вслед за ней выбросилась. Все это произошло очень благополучно. Вагон же был переброшен через столовую и стал между буфетным вагоном и столовой поперек. Говорят, это послужило спасением для находящихся в столовой.

Зиновьев рассказал Посьету, что он видел, как бревно врезывалось в столовую, два вершка от его головы; он перекрестился и ждал смерти, но вдруг оно остановилось. Человек, подававший сливки, был убит у ног государя, также и собака, бывшая в вагоне, – подарок Норденшильда.

Когда вся царская семья собралась и они увидели, что господь их сохранил, – царь перекрестился и занялся ранеными и убитыми, которых оказалось много. Четыре официанта, которые находились в столовой за перегородкой, были убиты. Первый сошел с рельсов вагон Посьета. Охрана, стоявшая вдоль пути, говорит, что видела, как что-то моталось около колеса одного из вагонов, но, вследствие быстрого хода поезда, не может указать, в каком это было вагоне. Думают, что лопнул бандаж на колесе. В первом, электрическом, вагоне людям, там находящимся, было жарко, – они открыли дверь. Трое из них поэтому были спасены – их выбросило на дорогу невредимыми, но другие были убиты. В мастерской, где находились колеса и разные принадлежности на случай поломки, все были перебито. Вагон Посьета разлетелся в прах. Шернваль был выброшен на откос, его нашли сидящим. Когда его спросили, сильно ли он ранен, он ничего не отвечал, только махал руками; он был нравственно потрясен, не зная, что такое произошло. Императрица и государь подошли к нему. Она сняла с себя башлык и надела его на Шернваля, чтобы ему было теплее, так как у него фуражки не было. У него оказались переломлены три ребра и помяты щеки. В вагоне Посьета находился еще инспектор дороги Кроненберг, который тоже был выброшен на кучу щебня, и у него было оцарапано все лицо. И управляющий дорогой Кованько, тоже выброшенный, но так удачно, что не запачкал себе даже перчаток. Кочегар же был убит в этом же вагоне. В вагоне II класса, где была прислуга, мало кто остался жив – все получили сильные раны: кто не был убит на месте, многие были придавлены передними скамейками. В кухне повара были ранены. Вагоны лежали на обе стороны. Из свиты государя все более или менее получили ушибы, но все легкие. Посьету ушибло ногу, у Ванновского оказалось три шишки на голове, Черевину ушибло ухо, но всех больше пострадал начальник конвоя Шереметев: у него оторвало второй палец на правой руке и сильно придавило грудь. Трудно вообразить, что при таком разрушении так еще ничтожны повреждения. Императрице помяло левую руку, которую до сих пор она держит на привязи, а также оцарапало ухо, т. е. возле уха. В других же вагонах находящиеся там люди не потерпели никаких повреждений. Под царский вагон, где находились спальни царя и царицы, подкатились колеса других вагонов, а вагон цесаревича так затормозили, что превратили его колеса в сани. Барон Таубе, сопровождающий всегда царские поезда, находился у Ширинкина в свитском вагоне. Когда он узнал о происшедшем, он бросился бежать в лес; солдаты, охранявшие путь, чуть его не убили, думая, что это злоумышленник. Ширинкин послал конвойных его догнать и привести обратно. Посьет потерял во время крушения все свои вещи, остался в одном сюртуке.

Когда опять все уселись в вагоны, т. е. когда опять отправились из Лозовой в Харьков, государь с царицей навестили Посьета в его купе. Он лежал раздетый. Царица села рядом у него на скамейке, где он лежал, а государь остался стоять. Они его утешали и побыли у него 20 минут, не позволив ему встать со своего места. Когда Посьет вышел из вагона, Салов говорит, что у него был земляной цвет лица, он очень осунулся. Государь очень бодр

и еще потолстел. Императрица тоже бодра, но постарела. Это понятно, что она пережила в это ужасное время.

Сегодня напечатано, что государь передал жандармскому офицеру кусок дерева – гнилую шпалу. Спросила Салова по телефону, справедливо ли это сообщение. Он отвечал, что Воронцов, правда, поднял кусок дерева и сказал, что это – гнилая шпала, передал это государю, который тут же отдал этот кусок жандарму. Но Салов уверен, что это не шпала, что все они были переменены два года тому назад на этой дороге, а что это – обломок от вагона. Молодой Поляков, хозяин этой дороги, говорит, что всему виной вагон Посьета, который был очень ветх. Посьет дал понять Салову, что будто ехали так скоро по приказанию самого государя. Теперь все выяснит следствие. Кони и Верховский от Министерства путей сообщения поехали туда на место. Жертв очень много: 23 убитых и 19 раненых. Все – царская прислуга.

23 октября.

Вышел сегодня манифест, где говорится о чудесном спасении царской семьи. Видно, писал Победоносцев.

Оржевский рассказал, как Дрентельн не ладил с Победоносцевым по случаю празднования 900-летия крещения Руси и был недоволен его приездом. Победоносцев сказал, что говорил так много речей, чтобы не дать возможности говорить другим, т. е. гр. Игнатьеву.

24 октября.

Было много народу. Moulin говорил, что видел художника Зичи, который сопровождал государю в поездке и был в столовой. Его облили кашей во время катастрофы. Когда он очутился вне вагона, первое, о чем он вспомнил, был его альбом. Он вошел снова в разрушенную столовую, и альбом сразу попался ему на глаза. Говорят, что государь за два дня до катастрофы делал замечание за столом Посьету, что очень часто остановки. На это Посьет отвечал, что они делаются, чтобы брать воду. Государь сказал сурово, что можно ее запастись не так часто, а в большем количестве зараз.

Много интересных подробностей слышишь о крушении. Все более или менее получили царапины, но все здоровы. У Оболенской, рожденной Апраксиной, сорвало с ног туфли. Раухфус (доктор) боится, что будут последствия у вел. княжны Ольги от падения. Ванновский сильно ругает Посьета. Вся свита царя говорит, что его вагон был причиной крушения. Удивительно, что все, когда говорят об опасности, угрожавшей царской семье, восклицают: «Если бы они погибли, то вообразите, что тогда был бы государем Владимир с Марией Павловной и Бобриков!» И эти слова говорят с ужасом. Е. В. говорит, что вел. кн. Владимир делает недоброе впечатление своими поездками по России.

25 октября.

Верховский, посланный вместе с Кони расследовать причину катастрофы, телеграфирует, что на месте выяснилось, что сообщенные «Правит. вестником» и другими газетами известия вполне ложны, что только через 5 дней они дойдут до причины крушения. По телеграмме видно, что она написана совместно с Кони.

26 октября.

Много интересного рассказывал о своем пребывании в Сибири Вишняков. Интересен его рассказ о пребывании его в Нижнем. С ним в одно время были Т. И. Филиппов и Саблер. Баранов после обеда повез двух последних в такой дом, где удовольствия (известные) можно получить за 5 коп., и они там пробыли до 5 часов ночи. Хорош пример! Этого же Саблера накануне на дебаркадере встречал местный архиерей и при отъезде его провожал.

Что же подумали нижегородцы о своем архипастыре, который оказал почтение личности, не сумевшей удержаться от оргии? Филиппов все свое путешествие, т. е. командировку свою, сделал в сопровождении всей своей семьи, которую контрольные чиновники должны были везде угощать.

Петров (начальник жандармов в Петербурге) тоже был в Нижнем и рассказывал, как Баранов позвал его на чашку чая. Он полагал, что приглашен на квартиру Баранова, оказалось – в трактир. Кроме него были другие, все нижегородцы, в том числе Осипов. Подали чай, взяли стаканы только он и Баранов. Свой он выпил, Баранов не выпил. Затем подали ужин. Сидели они в общей зале, всех ближе к арфисткам, которые им пели. Шампанское лилось рекой. Затем арфистки пошли собирать деньги в тарелочки. Все дали, Петров дал 3 руб. Когда в 2 часа кончился ужин, Баранов приглашал Петрова поехать с ним в то же непозволительное место, но Петров отказался. Те же арфистки пели и на обеде, когда были в Нижнем Вишняков, Филиппов и Саблер. Двое последних так расходились, что чуть ли не посадили арфисток на колени. Такую разгульную жизнь ведет Баранов ежедневно во все время ярмарки.

Многие сегодня обедали. Очень все острят насчет вел. кн. Марии Павловны. Говорят, будто она вскрикнула, когда узнала о случившемся крушении царского поезда:

«*Jamais nous n'aurons une pareille chance!*» (Никогда у нас больше не будет такого шанса! (*франц.*)). Она будто называет это не «accident», а «incident» (Не «происшествие», а «случай» (*франц.*)).... Ее очень любят. Правда, она очень развратная немка. Вчера Колин товарищ, паж Орлов, много рассказывал ему про вел. князей и княжен. Оказывается, что все они более или менее развратны. Досталось много Марии Павловне, с которой все лето он играл в лаун-теннис.

28 октября.

Статью в «Правит. Вестнике», где говорится о гнилой шпале, переданной будто бы государем жандармскому офицеру, написал личный секретарь Воронцова-Дашкова Кривенко.

Кузьмин-Караваев, адъютант вел. кн. Михаила Николаевича, сегодня завтракал у сыновей Михаила Николаевича, которые ему сказали, что государь и царица очень нервно потрясены, дети до сих пор перепуганы. В комнате, где была закуска, оказывается, сидели трое: Михаил, Георгий и Оболенский. Царица себе ранила руку вилкой.

Пришел Иванов. Иванов сегодня видел вел. кн. Николая Николаевича, который ему тоже сказал, что государь очень нервен и часто плачет.

30 октября.

Посыета в прошлую пятницу государь принял очень ласково, повел его к императрице, сказав ему, что это день их свадьбы. Посыет спросил о детях, и государь сказал, что они все у жены, что он их увидит. Пригласил его завтракать *en famille* (В кругу семьи (*франц.*)). Утвердил его представления насчет поправки вагонов, назначил Салова председателем этой комиссии. О брани газетной сказал, что они, т. е. газеты, решили дело и что ему тут делать нечего. Вообще видно, что царь был очень милостив с адмиралом.

Сегодня с заграничным поездом уезжает цесаревич в Данию. Едет он в общем почтовом поезде. Это очень разумно и скромно.

Фрейлина государыни Голенищева-Кутузова, оказывается, серьезно ранена. Ей какой-то кусок чего-то попал в неприличное место. Сперва бедная скрывала, а теперь лежит во дворце; ее навещает ежедневно царская семья.

Кривошеин сегодня передал, что, когда он сидел в заседании у Плеве и числе 6 человек, Черевин позвонил из Яхт-клуба Плеве в телефон и сказал ему, что Посыет получил отставку.

Это же сказал и Дмитрий Нарышкин, что вчера все об этом говорили в Яхт-клубе и что будто государь был свиреп с Посьетом при докладе. Это не вяжется с рассказами Посьета.

Заехал Салов. Об отставке Посьета он еще ничего не знает, но говорит, что это вероятно, хотя после поездки в Гатчину Посьет был вполне покоен. Рассказал он курьезный факт. Получает он конфиденциальное извещение от управляющего Варшавской дороги, что цесаревич едет. Сообщают ему, чтобы прицепить два вагона к почтовому поезду; взять же два вагона на Николаевской дороге. Салов спрашивает, какие вагоны взяты; ему отвечают: № 64 для цесаревича. Приезжает к нему сегодня Михальцев, управляющий Николаевской дороги. Он ему говорит, что он дал вагон № 64. Оказывается, что Михальцева никто не спросил, взяли вагоны без спроса, потому что очень спешили. Вот порядок! Так как поезд имел уже полный состав, а вновь прицепленные вагоны сделали его еще более тяжелым, то опять потребовалась двойная тяга. Салову телеграфируют о следовании поезда № 3, т. е. как он подвигается. Цесаревич уехал с Рихтером.

Обедали Скальковские. Он сказал, что Посьет получил отставку, но будет управлять министерством, пока ему не найдут заместителя. По его мнению, лучшего заместителя нет, как Анненков. Е. В. заметил на это, что гораздо лучше Оржевский.

Скальковский рассказал исторический анекдот. Когда Кальноки был назначен сюда австрийским послом, то он просил, чтобы ему подали список министров, чтобы им сделать визит. Ему дали имена всех, кроме двух – Набокова и Посьета, и сказали, *que ces deux ministres sont a la veille de quitter leurs ministeres* (Что эти два министра накануне отставки (*франц.*)). Когда Кальноки уезжал, то в списке он увидел, что все министры переменились, а те два, у которых он не был, сидят на своих местах. Тогда он сказал, *qu'on lui a joue un mauvais tour* (Что с ним сыграли злую шутку (*франц.*)). Если не ошибаюсь, Посьет сидел 16 лет.

31 октября.

Зашел Кутайсов. Много наговорил всего. Посьет в воскресенье уже всем объявил, что подал в отставку, но ответа от государя не получил. Рассказал, что Рихтер ему передавал (т. е. Кутайсову), когда последовали три роковых удара, то первое, что он подумал, – «аттентат», со вторым ударом они летели со своих мест, с третьим лежали. Затем наступило гробовое молчание. В это время Рихтер стал вытягивать ноги, руки, увидел, что цел. Перед его глазами было стекло. Схватиться за него, это – перерезать себе руки; он начал его ногой разбивать, а другой толкал что-то мягкое, что оказалось Воронцовым, который при этом мычал. Затем, расчистив себе дорогу, он стал звать государя. В это время началось движение в вагоне; встать было невозможно, все ползли. Рихтер закричал царю: «Ваше величество, ползите сюда, здесь свободно». Крик императрицы «*Et nos enfants?*» (Что с детьми? (*франц.*)), говорит, невозможно забыть. Все это было делом минуты, которая ему показалась вечностью. Интересны впечатления и ощущения каждого лица, которое было в этой злосчастной столовой.

Кутайсов говорил, что в городе называют следующих лиц на место Посьета: Паукера, Зверева, Имеретинского, но, говоря об этом, прибавляют, что государь его не любит, как и Анненкова. Последнего не дай бог – он приведет дороги в ужасное состояние.

Вчера Скальковский сказал, что Воронцов послал депешу гр. Владимиру Бобринскому, вызывает его немедленно приехать. Кутайсов уверен, что ему будут вновь предлагать пост киевского генерал-губернатора. Он тоже говорит, что он ополячился и онемечился совсем; что не расстанется с Лопухиной, в которую влюблен; что, наверное, откажется, но так как он многоречив и честен, то, верно, в разговоре с царем укажет на личностей, которые и будут назначены.

Если будет назначен Анненков, то я того мнения, что он много сделает глупостей, все перепутает, и не пройдет года – Салов будет министром.

Кутайсов рассказал, что письмо «Гражданина» к инженеру, т. е. к Салову, было показано государю и что он и она его прочли; что на Салова все страшно нападают в обществе. Кутайсов разобрал манифест, нашел в нем три места, которые доказывают слишком много самонадеянности. Главное место, которое его шокирует, это – «явленная нам и народу нашему милость». Он находит, что здесь нет смирения.

Салов сказал по телефону, что сегодня в 3 1/2 часа Посыет получил письмо от государя, где говорится, что по долгом размышлении государь принял его отставку и кончает письмо «искренне вас любящий».

Приехал сегодня Верховский с места катастрофы и говорит, что причина крушения – два локомотива.

Императрица сказала Кутайсову, что всего более ее тронули в Петербурге две вещи: теплая встреча молодежи и образ, поднесенный государю Ольденбургским, где вся гвардия, начиная от генерала и кончая солдатом, все равно пожертвовали по копейке.

Были дамы – m-me Бутовская и Офросимова. Верочка рассказывала про ужасную жизнь, которую создала Числова вел. кн. Николаю Николаевичу. Вот один факт. Этой осенью – он уже тогда выехал из Знаменки, распростился со всеми и переехал на ночь в Петербург – вдруг в ту же ночь прислугу Знаменки будят и говорят, что вел. князь вновь приехал с Числовой. Она направилась в его комнаты и в присутствии его камердинера Зернушкина стала вытаскивать все из столов, из комодов, бросать все на пол и кричать, что она найдет все, что ей нужно; что она должна удостовериться, есть ли у него любовные интриги. Зернушкин затем говорил Верочке, которая в это время жила в Знаменках, что жаль было смотреть на вел. князя, – он был сильно расстроен, все просил его собирать вещи, чтобы другие не видели этого беспорядка. Теперь он запретил себе подавать письма, всю его корреспонденцию несут к ней, она за ним устроила целый строгий надзор. Вел. князь встает рано, Числова – в 3 часа, и она ему не позволяет идти спать ранее 2 часов и более, а если он уснет в кресле, она так сердится, что заставляет его ложиться еще часом позже. Вот деспот! Как он все это терпит!

22 ноября.

Была Прозорова. Много рассказывала про проведенный ею этим годом осенний сезон в Биаррице. Там была Юрьевская, которая держала себя очень бестактно. Вся русская колония возмущалась, когда священник русской походной церкви после обедни, подавая ей крест, целовал ей руку, она же нет. Даже государь – и тот, когда ему священник целует руку, тоже и ему целует. Все знают там и говорят про ее интимные сношения с ее домашним доктором Любимовым, очень ничтожным человеком. В этом году Юрьевская вела себя осторожнее. Когда она выходила на пляж, его не бывало, он где-то тогда скрывался. Но у нее дома он вел себя неприлично. Когда его не избрали старостой церковным, Юрьевская позвала к себе священника и вместе с Любимовым ругала священника три часа так, что тот пришел в отчаяние, не мог служить всенощной, хотя это был канун праздника, и весь вечер скитался в лесу. Про это знали все русские.

3 декабря.

Колышко очень много говорил о Мещерском. Сказал, что у князя отвратительный характер, ужасная легковёрность, но ко всему этому он всегда готов каяться в ошибках. Теперь его злой гений – Третий Филиппов, он ему верит. Колышко его убеждает бросить его и помириться с Победоносцевым, что Филиппов наверное его подведет – в этом нет сомнения.

8 декабря.

Пришел Коломнин. Говорили про Кони, с которым он приятель. Кони был у государя, докладывал ему о судебных делах, оставался 11/2 часа. Он поражен обстановкой царя: низкий кабинет, очень небольшой, на письменном столе синее сукно, тут лежит лист грязного *papier-buvard* (Промокательной бумаги (*франц.*)), простая чернильница, возле белая тряпочка для вытирания пера, на которую Кони обратил особенное внимание, так как государь ее неоднократно брал, чтобы обтереть перо, которое у него не писало, а он во время разговора делал примечания этим пером. Во время разговора царь встал и стал ходить по комнате. Кони тоже встал, но государь приказал ему сесть.

10 декабря.

Было много народу. Рассказывали случай с княжной Львовой, которая поехала помолиться в Тихвинский монастырь. Ей там сделалось дурно, монахи ее окунули в один источник, который якобы исцеляет, но после этого на другой день она умерла. Теперь об этом так рассказывают. Версий много, есть очень грязные. Говорят, Манасеин затеял дело, но Победоносцев старается это потушить, чтобы скрыть невежество и ужасный поступок монахов.

24 декабря.

Сегодня у Е. В. долго сидел Веселитский-Божидарович, который пишет корреспонденции из Вены в «Новое время» и подписывается «Аргус». Он всегда живет в Берлине. Говорил, что влияние Шувалова в Берлине умалилось. Всю политику ведет Бисмарк, от которого досталось его сыну Герберту за поездку в Италию. Тройственный союз не прочен. Вражда между Вильгельмом II и принцем Рудольфом явная; одни это приписывают тому, что у них разные вкусы, другие – наоборот. Оба поклоняются Карлу Великому. Вильгельм передал ювелиру корону своих предков, чтобы ее переделать в такую, как была у Карла Великого. Рудольф признает в Карле Великом своего предка и поставил в музее две статуи своих родоначальников: Карла Великого и Рудольфа I. Оба очень воинственны.

Веселитский признает Вильгельма ненормальным. Он рассказал следующее. Вильгельм призывает однажды Шувалова и ему говорит, что сейчас получил известие, что русский царь едет в Берлин. Шувалов, которому ничего не было известно, едет к министру иностранных дел. Тот тоже ничего не знает, Бисмарк тоже. Затем Вильгельм об этом забыл и больше не говорил.

Вильгельм тоже много проиграл в Австрии тем, что разбранил Таафе, который там первый человек. Вообще видно, что Бисмарку все приходится поправлять ошибки своего государя. Бисмарк теперь хлопочет удалить Шувалова из Берлина, и у него есть свой кандидат, за которого он хлопочет здесь. Бисмарк боится теперь войны, так как у него ружья еще не готовы, а Вильгельм то и дело подает к ней поводы своими неуместными речами.

Веселитский рассказал, как он поехал от королевы Наталии к Шувалову просить, чтобы Россия заступилась за нее и ей оставили бы ее сына. Он в 5 часов утра разбудил Шувалова, который при нем получил депешу из Петербурга не вмешиваться в это дело. Веселитский, по его словам, получил в Берлине прозвание «*Le cavalier de la reine*» (Кавалер королевы (*франц.*)).

Сегодня напечатан приказ вел. кн. Владимира, чтобы не давали войскам подарков, и, в случае если будет послушание, будут взыскивать с получателей. По-моему, вел. князья, особенно Владимир, обязательно должны издать приказ, чтобы и им не подносили подарков. Он за свои путешествия набрал массу вещей, приходилось прицеплять для этих вещей вагон. Не говорю уже о государе – тут понадобился целый поезд для подарков, поднесенных на Кавказе. Сколько пошло на них трудовых денег, необходимых многим для дневного пропитания!

25 декабря.

Колокольцов много интересного рассказывал про Персию, как там Друммонд-Вольф прикинулся дурачком, чем ввел в заблуждение наших наивных дипломатов.

Романченко уверяет, что Толстой совсем покоен насчет своего проекта, хотя после последнего заседания и пришлось ему поставить мушку. Плеве пользуется его полным доверием, часто у него бывает.

Николаев рассказывал, что бар. Николаи, председательствующий на заседании, начал свою речь тем, что один предводитель дворянства ему совсем другое говорил, чем Толстой. Толстой его перебил: «Какой предводитель?» Николаи назвал Кривского (известного желчного человека, который ругает всех губернаторов). Тоже бестактно было со стороны Толстого, что во время этой речи он встал и пошел за Гагариным (товарищем министра внутренних дел), чтобы он дал объяснение. Это и вызвало замечание Абазы, что нельзя прерывать заключительную речь председателя.

Сегодня напечатано разоблачение писем Морриера (английского посла здесь) и Герберта Бисмарка. Бисмарк упрекает Морриера, что он известил Базена в 1870 году о движении германской армии. Морриер доказывает, что тогда не знал Базена, и тут же в «Новостях» напечатано письмо Базена к Морриеру, отрицающее этот факт. Бисмарк сделал все эти нападки не сам, а его орган «Кельнская газета» это напечатал, основываясь на рассказах германского военного агента в Мадриде Дайнеса, которому якобы все это рассказал сам маршал Базен. Морриер в 1870 году был посланником в Дармштадте, лично знал покойного Фридриха, и тут видно, что Бисмарк не останавливается ни перед чем, чтобы заклеить память Фридриха, будто бы от него узнал Морриер и сообщил Базену. Морриера здесь очень любят. Это не по вкусу Бисмарку, и вот он повел против него интригу, но она ему не удастся. Морриер всеми силами старается сохранить добрые отношения между Англией и Россией.

31 декабря.

Сегодня было много народу. Долго сидела m-me Вышнеградская. Николаев пришел прямо с заседания Гос. совета и сказал, что Вышнеградский хорошо говорил, что по росписи в этом году 4 1/2 млн. больше дохода, чем расхода. Завтра будут два новых члена Гос. совета: Менгден, которого провел Победоносцев, и сенатор Саломон. Двор переехал сегодня. Николаев сказал что очень везет Вышнеградскому, что лучшими годами для финансов считались 1846 и 1857 (или 67), но что этот год лучше тех обоих.

1889 год

27 марта.

Коломнин сегодня подтвердил сказанную им вчера новость о Мещерском. Ему об этом говорил Путилин (сыскная полиция). Замешано в этой истории до 200 лиц, гвардия и актеры Александрийского театра: Давыдов, Варламов и другие. Мещерскому, говорят, будет предложено выехать на время из Петербурга. Говорят, что эту историю вел. князя поспешат затушить – из них многие принадлежат к этому обществу. Какой скандал!

2 апреля.

Очень характерный факт рассказал Марков про Селиверстова, который, в кратковременную бытность свою шефом жандармов, купленные им машины для его пензенской фабрики, нагрузив в 4 вагона, приказал местным железнодорожным жандармам, передавая один другому, конвоировать бесплатно до своей станции «Прасковьино». В это время Марков был управляющим Моршанской дорожкой. Он не разрешил бесплатный провоз, несмотря на мольбы жандарма, которому угрожала отставка. Но все-таки Марков устроил, что жандарм остался, и получил следуемые 68 руб. за провоз, а шаль, присланную ему Селиверстовым, который хотел этим отделаться, отправил ему назад.

3 апреля.

Золотницкий, не зная, что мы читали сожженную по приказу Комитета министров книгу «Филантропы благотворительности», выдал себя абсолютно, что именно он писал эту книгу. Говоря про петербургских священников, он начал их ругать, говоря, что с ними всегда встречался у своего приятеля Парунова (бывшего председателя Пятигорского общества). Затем сказал, что на днях ему попала депеша к нему Парунова, где тот ему пишет: «Ваня, приезжай к татарам, выпьем» и проч. и подписывается «рыцарь гроба Господня Парунов» – в этот день он был утвержден в этом звании. Затем многие подробности такие рассказал, которые я читала в этой книге: завтраки, попойки, небрежное отношение к деньгам, раздача их направо и налево, – и все это живо представило мне ту же картину, прочитанную мною в этой книге.

4 апреля.

Вчера нам говорили, что в Германии питают большое уважение к Вышнеградскому, говорят даже, что есть только один политик на свете – Бисмарк и один министр финансов – Вышнеградский. Сумел человек заставить о себе думать! А что про него говорили, когда только его назначили? Даже недавно нам сказали, что государь такой честный человек, а у него два министра мошенника – Вышнеградский и Чихачев, а если назначит Анненкова, тогда их будет целых три.

5 апреля.

Жаконе, корреспондент многих солидных иностранных газет, принес сегодня Е. В. корреспонденцию-телеграмму агентства Рейтера, полученную им сегодня с 1 апреля. В телеграмме просят его разъяснения и подтверждения появившихся во многих английских газетах сообщений насчет вновь начавшейся деятельности русских нигилистов. Газетные сообщения приводятся следующие:

1) что открытие тайного производства бомб в Цюрихе имело связь с заговором против жизни русского царя, который предполагалось привести в исполнение во время пребывания государя в Берлине;

2) что аресты в Вильно были произведены по обвинению в соучастии в этом заговоре, а также и аресты в Петербурге;

3) что полиция нашла в Петербурге 4 бомбы, приготовленные к употреблению, но место их нахождения скрывает;

4) что тайная полиция южной России имела сведения указывающие на то, что в ближайшее время начнется новая кампания крайней революционной партии, что эта деятельность со стороны нигилистов была вызвана ретроградной политикой графа Толстого. Наконец сообщают, что подозрение падает на нескольких высокопоставленных лиц русской тайной полиции.

Также распространился слух на биржах Вены и Берлина, что царь был ранен в Гатчине в прошлое воскресенье бомбой, брошенной гвардейским офицером. Е. В. этот интересный документ препроводит завтра через жандарма Кулакова Толстому, который теперь еще в Москве.

Сегодня Божидарович говорил, что о покушении 1 марта раньше времени покушения знали в Берлине. Шебеко не на своем месте. Н. И. Петров сказал же про него, что он целый день лежит и читает французские романы. Какой же это шеф жандармов для такого времени!

12 апреля.

Говорила с Н. И. Петровым о нигилистическом движении. Он убежден, что ничего общего с Цюрихом нет. Правда, арестован один артиллерист и два студента... Сказал, что все происходит оттого, что при обыске в Цюрихе оказалась, по предположениям, недостача в бомбах изготовленных, отсюда предположение, что отправлены в Россию. Шебеко и Грессер спят и видят сделать из этого большое дело для своей карьеры, но не имеют на это никакой возможности, все это пустяки. На похороны Паукера в ожидании царя Шебеко приказал все в тех же видах сделать наряд в 40 конных жандармов для охраны, но Петров говорит, что все это – фокусы.

13 апреля.

Асланбеков говорил, что революционное движение вновь начинается, что в Цюрихе один из убитых по неосторожности от бомбы был известный Дейч. Рассказывали нам, будто Гамбургеру было поручено сделать там разведки, куда скрылись нигилисты, когда их хотели забрать, – он отвечал, что ничего узнать не может. Бисмарк прислал сюда царю подробные о сем деле сведения. Хороши наши дипломаты! Об этом говорила Старицкая. Видно теперь, что Петров или не знает, или умалчивает.

17 апреля.

Безродные говорили, что в дневнике Шестакова много обличений. Половцов нашел там письма Победоносцева к Шестакову, где говорится о тупости нынешнего государя и восхваляется покойный наследник. Что будет теперь? Половцов не знает, показать ли эти письма государю.

19 апреля.

Говорили нам, что Шестаков перед смертью тоже написал письмо царю, в котором говорит, что политика и ретроградные взгляды Победоносцева приносят вред России, и советовал отдалить его. Если это правда, что оба письма были написаны, то видно, что оба не достигли цели.

25 апреля.

После тяжких страданий умер сегодня в 4 часа 20 минут гр. Толстой. Третий министр умирает в полгода – Шестаков, Паукер и Толстой. Государь и государыня прислали нежные телеграммы вдове. Теперь уже начали толковать о преемнике. Министерство, по словам Скальковского, желает, чтобы Плеве был назначен. Называют, кроме вчера названных мною, еще двух генералов – Черткова и Дондукова; один – под башмаком своей жены, которая ему всегда портила, когда он заведовал какой-либо частью, другой – известный пьяница.

26 апреля.

Сегодня Вишняков сказал, что завтра в первый раз Плеве едет к государю. Галкин приехал после панихиды, рассказал, что царская депеша к вдове очень нежна. Завтра она будет напечатана. В ней говорится, что царь не знает, чья потеря больше – его или ее, говорит об его преданности, верности и проч.

Толстой не ожидал, что смерть так близка, приехавшего сына пожелал видеть на другой день, чтобы быть спокойнее. Доктора тоже думали, что он переживет вчерашний день, потому он и не причащался. В ночь накануне смерти он дал дежурному доктору ключ от своего стола, который висел на цепочке у часов, и потребовал два доклада, которые подписал. Хотел при жизни сделать из любимого своего имения «Маково» майорат, но не успел. Там он устроил особенную башню для библиотеки, осушил почву, чтобы сохранялись книги, и неоднократно говорил, что хотел бы лечь возле своих книг. Сперва думали его похоронить в Александро-Невской лавре, но затем вспомнили, что он не раз говорил, что не желал бы, чтобы его хоронили монахи. Теперь решено отпевать его в Почтамтской церкви, а хоронить в деревне. Умер он в полной памяти. Простудился в среду, навещая свою дочь, которая была нездорова, – и сделал это по настоянию своей жены – снял пальто, выходя из кареты. Все говорят о Толстом как о цельном характере с большой силой воли и энергией. У всех на языке – «трудно заменить».

27 апреля.

Других нет разговоров, как о заместителе Толстого. М-ме Шамшина сказала, что слышала, что больше всех шансов у Островского. М-ме Вышнеградская долго у нас сидела, говорила, что, по мнению ее мужа, две комбинации возможны: назначить Дурново или оставить временно управлять до августа Плеве, затем его назначить.

Слышала возмутительный рассказ от Коли, которому по секрету сказал Граббе, поехавший поздравить владыку с праздником. Он без доклада вошел в гостиную – людей никого не было – и без ужаса не может вспомнить позу дамы и его, в которой он их застал. Вся охота посещать владыку у него пропала. Он поспешил незаметно уйти, оставив у швейцара карточку. Как грустно это слышать!

28 апреля.

Сегодня получила записку от Скальковского, что министром внутренних дел назначен Дурново.

Процессия похоронная прошла мимо нашего дома. Сперва шли курьеры, телеграфисты и проч., несли впереди его герб, ордена на одной подушке. Катафалк был замечательно украшен цветами и венками. После этого хлынула толпа подчиненных, почитателей и друзей. Отпевали его в Почтамтской церкви и отвезли в его деревню, в Рязанскую губ. Государь и царица приезжали на вынос.

Про Дурново все говорят, что он добр, но положение меняет людей.

29 апреля.

Дурново назначен управляющим Министерства внутренних дел и остается в IV отделении.

Был Коломнин. Сказал, что государь велел прекратить производство дела по поводу крушения 17 октября, раз комиссия нашла, что Посыета не надо предавать суду.

Старый адмирал Гейден пришел с известием, что был у Чихачева, который вчера сюда вернулся, что в эту минуту у него собралось много докторов, что он очень плох.

30 апреля.

Рассказывали, что Дурново говорил государю, что не чувствует себя способным принять новое назначение. Государь упросил его взять на год и, если не привыкнет, вернуться на прежнее место. Вследствие этого Зубов назначен временно управляющим IV отделением, а Делянов председателем Опекунского совета.

В Карно стреляли холостым зарядом, и стреляли не в Париже, а в Версале, во время празднования столетия Французской революции.

Асланбеков рассказывал, что вел. кн. Владимир сильно изменился: страшно исхудал, грудь впала – производит впечатление, что в нем таится серьезная болезнь. Ему даром не обошлись все эти скандалы и рассказы.

По словам Кутайсова, которому рассказывал один приятель Дурново, Дурново ему сказал, что в министерстве он не сделает никаких перемен, кроме тех, которые ему были указаны государем, что и эти перемены ему тяжело делать.

Асланбеков повторил, что Посыет дело крушения свалил на злой умысел, что он это знает достоверно. Это-то и заставило царя от него отвернуться.

2 мая.

По случаю назначения Дурново министром выдуманы следующие остроты: одна – «не нашли хорошего, назначили дурного», вторая – что «Синельников (зять Дурново) ist Tol geworden» (Стал Толем (нем.)), а Толь был зять Толстого. *(есть и другая возможность игры слов: toll geworden – стал сумасшедшим, бешенным – ldn-knigi)*

Сегодня у Граббе Коля встретил сына Воронцова, который ему сказал, что Дурново страшно глуп, но очень добр, что его отец ничего не имел против этого назначения, что государю за него говорил Рихтер, что государь любит Дурново, и все за него ввиду вышеназванных двух эпитетов, а что другого кандидата не назначили, потому что один был слишком умен. О ком это он говорил – не понимаю. Неужели Дондукова считают слишком умным?

3 мая.

Была сегодня у Кривошеиных. Говорили про Дурново, с которым они большие приятели. Он говорит, что Дурново решительно не останется больше года министром, что он берет в товарищи, вместо Гагарина, иркутского генерал-губернатора гр. Алексея Игнатьева, которого думают готовить в министры. Говорил, что Дурново, с тех пор как назначен, потерял сон – тревожит его полицейская часть. Кривошеин говорит, что Дурново болеет со смерти дочери, кашляет, характер его переменялся – он сделался серьезнее, мрачнее, никогда больше не шутит, как это нередко прежде бывало. IV отделение совсем по нем. Рассказали, что он прекратил приемы просителей по этому отделению на дому, ввиду того что однажды к нему пришла одна дама, привела пять человек детей, их оставила у него, а сама скрылась. Дурново их накормил, а затем в его ландо их отвезли к Грессеру.

Умер сегодня Танеев, который управлял Собственной его величества канцелярией.

4 мая.

Утром пришел Каульбарс. Сказал, что неправда, что вел. кн. Владимир переменялся, он вполне здоров.

Саша Безродная говорила, что многие члены Гос. совета говорят, что от Плеве никогда не слышали его мнения, что он всегда уклоняется от ответа, что его многие считают за «красного», что он теперь старается это скрыть. Также и Кони, который остался «архикрасным». Переменись сегодня направление – сейчас бы оба и выказались. Это вполне возможно. Она не первая это говорит про Плеве.

6 мая.

Сегодня утром прочла об утверждении Дурново министром внутренних дел с увольнением из IV отделения.

Сегодня день совершеннолетия цесаревича. Он сделан флигель-адъютантом и членом Комитета министров и Гос. совета.

Приехал Moulin из Парижа. Рассказывал, что Драгомирову было оваций без конца. Он был всюду. Был с Moulin в маленьком кафе, где давалось представление – 40 женщин в русских военных мундирах всех полков, затем пели русский гимн и Марсельезу. Драгомиров плакал от восторга.

Затем рассказал, что он слышал, что доктор Люис приглашен в Петербург для императрицы, которая не чувствует себя лучше от пользования доктора Шарко и которая страдает расстройством нервов. Moulin говорит, что этот доктор, Люис, – настоящий шарлатан.

Коцебу во время incident Sagallo (Случай в Сагалло (*франц.*)) громко кричал, что русское правительство отказывается от Ашинова и его спутников. М-me Adam сделала сбор для жертв этого случая, но отсюда получила депешу от одного Филиппова, который работает в редакции Комарова, что русские не желают пожертвований от людей, которые пролили кровь их соотечественников. М-me Adam вообразила, что эта депеша от Третья Филиппова, врага Победоносцева. Moulin говорит, что, получив депешу, она горько плакала.

На предстоящих выборах Буланже имеет, по его словам, много шансов – его поддерживают монархисты. Говорит, что займы разочаровали французов. Они охотно несли деньги на эти займы, надеясь, что Россия на эти деньги начнет строить необходимые дороги на случай войны и вооружаться, но этого не случилось. Сказал, что Вышнеградский сильно попался, завязав сношения с Ротшильдом. Через полчаса после Moulin пришел банкир Клима, который восхвалял Вышнеградского именно за мысль этих займов и за то, что он сумел привлечь Ротшильда к России, который говорил, что никогда не будет с нами иметь никакого дела.

7 мая.

Вместо Дурново в IV отделение прочат Ольденбургского. На место Танеева назначен Ренненкампф.

Был Романченко. Он жалеет Толстого, но своим новым начальником доволен. Ему уже устроили в столовой Дурново канцелярию: поставили письменный дамский стол, вынули посуду из шкафа, и туда он кладет бумаги. Дурново ему не звонит, как, бывало, граф, а, если ему понадобится что-либо, сам выходит к нему.

В ту минуту, когда Толстой умер, Романченко находился в своей канцелярии. Двери к графу были открыты, он лежал через комнату. За несколько минут до его смерти вошел Плеве в канцелярию из Комитета министров и спросил: «Что, как?» Романченко отвечал: «Плохо». Вдруг послышался крик – с графиней сделалось дурно. Граф скончался, доктор вышел сказать об этом. Плеве в это время отошел к окну, две слезы скатились из его глаз, он их отер кулаком, затем обратился к Романченко и сказал: «Теперь надо распоряжаться; запирать столы и, не спрашивая никого, суммы взять из ремонта дома». Романченко телефонирует Заике. Спросили графиню, где его положить. Она решила вниз, но только повторила,

чтобы не было монахов – граф их не терпел. Когда затем митрополит Леонтий Варшавский и Алексей Виленский пожелали у гроба отслужить панихиды, им в этом было отказано. Толстой совсем не пожелал видеть сына, просил жену следить, чтобы он не ворвался к нему.

Из слов Романченко могла заключить, что он в последний его приезд сюда к нему охладел. Он был недоволен его женитьбой. У Толстого осталось мало денег, всего 55 тыс., которые он получил выкупные, 7 тыс. в банке и 4 билета внутреннего выигрышного займа. Все состояние оставлено графине.

Игнатьеву решено только предоставить те департаменты, которые были у Гагарина. Полиция не отойдет от Дурново.

Завтра в первый раз наследник будет в Гос. совете.

8 мая.

Навестил меня митрополит. Он не жалеет Толстого, рассказывал про него, что никто не помнит, когда он причащался. В бытность его обер-прокурором Синода он ни разу не был в Исаакиевском соборе, не заглядывал в синодальную канцелярию, где только висел его мундир на вешалке. Когда назначили Победоносцева и он туда вошел, он увидел на столах груды бумаг и немедленно уволил всю канцелярию.

Рассказывали нам, что у Чихачева дурная денежная история, которая может его заставить уйти из министерства, какие-то заплаченные им счета модистке из казенных сумм. Говорят, что он заплатил миллион Богарне, чтобы его назначили управляющим министерством.

17 мая.

Е. В. рассказывал про свое свидание со Строгановым, у которого он был адъютантом, когда тот был одесским генерал-губернатором. Старик встретил Е. В. словами: «Откуда? Зачем? Надолго ли?». Накануне градоначальник Одессы Зеленой сказал Е.В., что Строганов положил в 8 больших мешков все свои записки и бумаги, запечатал мешки и отдал Чихачеву, чтобы тот отвез их на пароходе Черноморского общества и потопил в Архипелаге. Е. В. затронул вопрос со стариком об его бумагах. Он ему отвечал, что их сжег. Е. В. с отчаянием воскликнул, что он не имел права этого делать. Тогда Строганов ему сказал: «Император Николай написал следующее письмо начальнику штаба Дибичу, где главнокомандующим был Витгенштейн: «Боюсь, что твой дурак главнокомандующий не решится на эту меру». Вы поймете теперь, почему я сжег мои бумаги». Значит, в них было много такого, что нельзя было обнародовать.

Говоря о министрах, Е. В. сказал, что теперь трудно получить такого, какой был гр. Строганов. Строганов его спросил: «А вы почему знаете?» Е. В. тогда сказал, что он был известен тем, что правду говорил прямо в глаза. На это Строганов ему сказал: «Однажды Николай Павлович при всех меня спросил: «Строганов, скажи, правда ли, что мой дворец хорошо освещен, правда ли, что Костя милый мальчик?» Я отвечал ему: «Совершенно верно, ваше величество». Но наедине, в кабинете, тогда же я ему сказал: «Все, что я вам сказал там, – неправда, у вас ничего не мило и не хорошо».

18 мая.

Узнала сегодня новость, что будет сегодня объявлена свадьба сына Николая Николаевича, вел. кн. Петра, с черногорской Милицией, что вторая черногорская выйдет за Дмитрия Константиновича, а наследник женится на третьей.

Сегодня был рязанский помещик Повалишин, который вместе с Каменским получил право на обработку свинцовой руды на Мурманском берегу. Он говорит, что он был в Ялте в начале октября и там слышал, что готовится покушение на царский поезд, что будто были получены иностранные газеты, где говорится об этом покушении, но газет он не видал. Затем

в Москве ему сказал помощник управляющего Московско-Курской дороги, что все болты на месте крушения не были найдены. Марков ему также сказал, что болтов не нашли. Мне все это кажется невероятным. Если бы один Кони производил следствие, то можно было бы его заподозрить, что он покривил душой, вспомнил дело Засулич, которую оправдал, но здесь была целая комиссия, и все инженеры сейчас же ухватились бы, чтобы вывести все наружу.

20 мая.

Во время праздника Конно-гренадерского и Уланского полков, за завтраком, государь сказал тост:

«Пью за здоровье единственного и искреннего друга России – князя Николая Черногорского». Все думают, что это вызовет целую бурю.

Был Ардашев. Много интересного рассказывал о бывшем начальнике сыскной полиции Путилине. Какой это низкий человек! Это страшный взяточник. Пока он не подал рапорт о болезни бежавшего за долги Овсянникова, нельзя было в этом убедиться. Затем он был пойман по указаниям пристава в 24 часа. Как долго этот человек пользовался властью!

На его место назначили Виноградова, человека, пользующегося плачевной репутацией. Его судили раньше за разные проделки. Если пристав какого-нибудь квартала ему не платил взятки, то его полиция разрешала петербургским ворам грабить этот квартал, и не проходило дня, чтобы не было там 3–4 краж со взломом. И такого человека теперь сделали начальником! Видно, что Грессер очень нечист на руку – окружает себя такими людьми.

25 мая.

Узнала, что воспитателем нынешнего государя был Гогель. Он всегда был ленив и начал учиться только тогда, когда сделался наследником.

27 мая.

Мокринская говорила, что вел. кн. Николай разделил оставшиеся бриллианты императрицы Александры Федоровны, подаренные его жене, с тем чтобы переходили из рода в род, между двумя сыновьями, и каждому досталось на 89 тыс. У Александры Петровны, кроме этих, было еще на 900 тыс., но теперь у нее ничего нет. Государь ей дает из своей шкатулки 17 тыс. в месяц. Она всегда без денег и на днях еще получила от царя подарок в 75 тыс. Этого не следовало бы делать, она такая распутная.

Говорят, что Александру Иосифовну очень любят при дворе, что она льстит государю и все его целует.

Вечером пришел Бобриков. Он говорил, что Воронцов написал царю, что тост лучше не печатать, но государь на его же письме написал: «Наверное печатать». Бобриков слышал, что после этого тоста Ротшильд телеграфировал Вышнеградскому, что вследствие этого тоста он потерял на последнем займе 20 млн.

28 мая.

Были у архиерея Антония. Это – достойный монах, не чета киевскому викарию Иерониму, у которого ужасная репутация. Он открыто живет с Демидовой Сан-Донато, водворил к ней своих шестерых детей, которые с ним у нее ежедневно обедают. Гр. Владимир Бобринский говорил Е. В., что даже из-за этого перестал совсем ездить к Демидовой, где Иероним разыгрывает хозяина. Говорят, что он пленяет своими глазами.

30 мая.

Сегодня много у нас говорил Нарышкин про персидского посланника Долгорукова. Положение там незавидное. Когда шах задумал путешествовать, Эмин-паша сказал Долго-

рукову, что шах намерен остаться в Петербурге 8 дней. Долгоруков телеграфировал сюда и получил ответ, что согласны его здесь оставить только 3 дня. Свиту шах хотел взять в 34 человека, здесь согласились только на 20 человек. Узнав это от Долгорукова, Эмин телеграфировал своему посланнику здесь, который после свидания с Зиновьевым, переговоров с Гирсом наконец получил согласие помимо Долгорукова увеличить свиту шаха. Это – экономический вопрос для шаха, так как лица, которые ему сопутствуют, платят une somme de... (Сумму в размере, *(франц.)*.) за то, что он их взял с собой.

Долгоруков убежден, что, если бы продержали здесь подольше шаха и дали бы взятку визирю, – все было бы подписано, чего хотела бы Россия; разорвана концессия с Рейтерном и проч. Но здесь пожалели дать 1 млн., разделив его так: в 500 тыс. подарок шаху, 300 тыс. – визирю и 200 тыс. другим лицам. Подарок шаху сделали самый неважный – портрет государя, осыпанный бриллиантами. Раньше хотели подарить вазу в 50 тыс., но он их столько уж получил от русских царей, что у него смеются над этими вазами. Думали дать трость в 15 тыс., но у его церемониймейстера трость стоит трое дороже. Расстались обе стороны недовольными.

Самойлов говорил, что Вышнеградский нисколько не поправил наши финансы, – сказанный тост повалил курс; если начнутся дипломатические переговоры, он повалится еще больше, а война доведет рубль до 25 коп. Вышнеградский кому-то говорил, что у него с царем пробежала кошка, называет Бунге. Н. П. Игнатьев явился ему на помощь: в один день трем иностранным корреспондентам посоветовал написать, что против министра финансов ведется интрига. По-моему, это медвежья услуга.

3 июня.

Сегодня с утра начали к нам приходить, чтобы смотреть въезд греков. На всех въезд произвел большое впечатление. На меня же эта церемония произвела впечатление балагана: золотые кареты устарели, смешны; чины двора, которые там сидят, похожи на марионеток; скороходы, арабы, декольтированные дамы – все это вызывает улыбку, а не восторг. Вся процессия движется медленно. Государь тяжело сидит на лошади, в нем много добродушия, но мало импозантности.

18 июня.

Е. В. находит, что тост очень повредил России. Он вызвал дерзкую речь австрийского императора, направленную против нас, в которой он признал Кобургского болгарским князем, тогда как у нас его считают узурпатором.

Наследник наш, ездивший в Штуттгарт на тамошний праздник вюртембергского короля, очень быстро вернулся домой. Видимо, встретил холодный прием, особенно в Берлине, так как об его поездке газеты умалчивают подробности.

Стягивание австрийских и германских войск на нашу границу усердно продолжается. Воевать с ними нам не по силам. Генералов у нас вовсе нет. Вышнеградский за несколько дней до нашего отъезда в деревню сказал, что дал бы 10 млн., чтобы черногорский тост не был произнесен. Государь всегда такой сдержанный бывает. Как это он хватил такую глупость!

23 июня.

Был у нас сегодня сын Льва Толстого, тоже Лев, окончивший курс в гимназии Поливанова и теперь поступивший в университет. Сестру его вторую, Марию, сватает некий Бирюков, который живет мужиком, одевается, как они, пашет и работает по-мужички. Вся семья против этой свадьбы. Бирюков – очень несимпатичная, некрасивая личность. Но Лев Толстой за него, советует дочери за него идти; она колеблется, хочет принести себя в жертву.

Семья Льва Толстого не знает о напечатанной статье Фета. Несколько времени тому назад Фет был у них, читал им статью, которую собирался печатать. Лев Толстой ее одобрил, но С. Толстой уверен, что Фет не прочел те места, где говорит, что Л. Толстой пьянствовал. Фета же они опять ожидают в Ясную Поляну.

30 июня.

Приехали Бобриковы. Они только что были на южном берегу, жили в Ливадии. Рассказывали, как просто живет вел. кн. Константин Николаевич в Ореанде. В сгоревшем дворце у него в развалинах устроен шатер-столовая, освещенный электричеством, где он и обедает. Туда во всякое время пускают.

Одна приезжая провинциалка приехала в Ореанду с целью на него посмотреть. В этой зале она встретила неизвестного ей господина, спросила его, где бы ей увидеть вел. князя. Тот отвечал, что трудно указать, так как он всюду шляется. На этом они расстались. Затем, при дальнейших расспросах, она узнала, что незнакомец, с которым она говорила, и был именно сам вел. князь.

У него, кроме этой столовой, есть еще два домика. В одном он живет с Кузнецовой и детьми, в другом принимает гостей, которые у него редко бывают.

10 сентября.

Завтракали сегодня Скальковские.

Вспоминали старика Строганова, который никак не мог понять, что из Николая Милютина вышел государственный человек. Он служил у него мелким чиновником, когда Строганов был министром внутренних дел. Затем рассказали про Строганова анекдот. Раз он сказал Канкрину: «Видно, что вы были бухгалтером». (Канкрин был им у какого-то Пепа.) На это Канкрин ему отвечал:

«Правда, бухгалтером я был, а дураком никогда».

А. А. Скальковский говорил, что Валуев ему сказал про Мещерского («Гражданин»), что у него четыре столба: Бог, царь, Грессер и Аркадия.

15 сентября.

Много обедало. Был Витте, который назначен директором Департамента железнодорожных тарифов у Вышнеградского и зараз получил чуть ли не 8 чинов, чтобы занять это место. Витте больше молчал, на вид он похож скорее на купца, чем на чиновника. Когда говорили о Вышнеградском, он странно как-то о нем говорил – отрицал в нем ораторский талант; сказал, что он слишком распространяется; подаваемые ему записки по разным делам он не приказывает печатать, как другие министры, но их прочитывает и запирает в стол, говоря при этом, что не даром же он 10 лет был учителем.

18 сентября.

Константин Скальковский – очень резкий, но очень добрый малый, очень остроумен, всегда метко умеет охарактеризовать каждого в разговоре и в печати. Сегодня он сказал про Витте, что он умен, но бездушный, холодный человек. У него страшное самолюбие, ему теперь хочется показать, что и раньше его слово было с весом.

12 октября.

Каульбарс вчера приходил поделиться с Е. В. впечатлением по поводу депеши в «Новом времени», что эрцгерцог Иоанн Австрийский отказался от своего титула, своего *patrimoine* (Состояния (*франц.*)), держал экзамен перед моряками в Фиуме на капитана частного судна. К экзамену подготовлялся год, блестяще выдержал и под фамилией Фельдер поступает на

частное морское судно. Этот Иоанн – самый блестящий полководец австрийский, очень ученый, ненавидит Германию, сторонник союза с Россией, раньше командовал дивизией, но ее у него отняли вследствие интриг, и последнее время находился вне Военного министерства.

19 октября.

Долго говорили с Сувориным, который просидел часа три. Рассказывал заграничные впечатления. Он в восторге от Франции, как там все работают. У него составилось понятие о французском народе, что они не любят терять времени на болтовню, как это кажется с первого взгляда. Но Суворин разочарован в России. Он находит, что у нас еще полуварварство. Он 8 лет не был за границей, свyksя с Россией и считал, что нигде нет такого благоустройства, как у нас. Теперь у него совсем обратный взгляд. На Германию он смотрит, что это – колосс, готовый проглотить всю Европу и восстановить древнюю империю Гогенштауфенов. Он того мнения, что никто и ничто не в состоянии устоять против Германии.

20 октября.

Очень верно вчера заметил Суворин, что все русские очень любят болтать, что в этом у них проходит очень много времени; второе занятие пустое – карты. Суворин теперь того мнения, что нет дураков на свете, что есть только умные люди и люди еще умнее. Самый умный человек, какого он когда-либо встречал, – Некрасов (поэт), но это был ум холодный, расчетливый, несимпатичный. Граф Н. П. Игнатъев, которого он встретил в Париже, сказал ему, что, бывши министром внутренних дел, он не знал России, но теперь ее знает хорошо. Это видно: Игнатъев так умело устраивает свои собственные денежные дела в ущерб России, продавая свои земли за дорогую цену немцам, нашим врагам.

Много говорят о новом внутреннем займе с выигрышами. Все порицают мысль Вышнеградского выпустить такой заем, где номинальная цена билета 100 руб., а банк государственный продает их за 215 руб. и отказал на них подписку в рассрочку. Это, по-моему, недостойно правительства. Этот выпуск является как бы в помощь дворянам, так как только одни дворяне могут на него подписываться. Билеты двух прежних выигрышных займов пали, и очень сильно. Правительство само узаконивает азартную биржевую игру. Сейчас видно, что министр финансов – бывший гешефтмахер. Иностранная пресса, наверное, будет на Россию за это нападать.

29 октября.

Е. В. смотрит, что поездка в Константинополь Вильгельма может иметь печальные последствия для России. Не дай бог, чтобы Турция сделалась союзницей Германии.

Сегодня с утра много народу. Доброславин вернулся из Уфы. Рассказывает, что «Очерки дикой Башкирии» – 1/10 того, что делается в этом отдаленном крае, что там царит произвол, беспорядок полный в администрации. Губернатор Норд приехал после того, как уже перед ним приехали его векселя на 45 тыс. руб. Там был мошенник вице-губернатор, который сумел захватить векселя и взять в руки Норда, – теперь вице-губернатор всем распоряжается. Железная дорога построена плохо, уперлась в Златоуст. Остановили постройку – дорого стоит. Ничего не возит, а везут все около железной дороги гужом. Уфа не выросла до города настоящего, Оренбург же дорога убила. Вообще все там делается ненормально и дико. Много таких диких дорог на совести покойного Министерства путей сообщения с Саловым и Посьетом во главе.

Николаев говорил про новый заем – он ему не сочувствует. Бунге в Комитете министров отказался подписать на него свое согласие. Он говорит, что это грабят народ, играя на страсти к выигрышам; что есть касса сбережений, куда народ приносил свои сбережения, что там уже капитал с 6 млн. руб. вырос до 100 млн. руб., а что теперь все вынули свои сбережения, и

эта касса опустела, – все бросились покупать новый заем. Николаев находит, что это вполне безнравственно и вредно для государства поощрять любовь к азартным спекуляциям.

Говорили нам сегодня, что вел. кн. Николай Николаевич совсем плох, лицо его все завязано, видны только одни глаза. Хотя есть доктор, который его лечит, но он принимает лекарства и средства, которые ему дает Числова, т. е. Николаева. К нему она не входит, детей не пускает, и он целый день проводит вдвоем с фельдшером.

Вел. кн. Константин тоже живет идиотом: физически он поправляется, но языка нет, хотя есть у него память. Доктор Муринов говорил Доброславину, что, когда он ездит в коляске и при нем ошибутся названием улицы в Павловске, он начинает мычать и сердиться. Характер у него нетерпеливый, окружающим его с ним тяжело. Он смотрит на предмет и показывает, чтобы его ему подали. Бросаются ему его принести – он сердится, что не то, показывает налево, на другой предмет. Подают – опять не то. И это продолжается по нескольку часов и несколько раз в день. Плохо кончают свое земное поприще братья покойного царя.

2 ноября.

Абаза спросил мнение Николаева о займе. Он отвечал: «Мошенническое дело и аляповато исполнено». В финансовой комиссии под председательством Абазы, где оно прошло, как известно, Бунге остался при особом мнении. Рейтерн не приехал, а подписали Абаза, Вышнеградский, Филиппов и Дурново. Последний только думал об одном – помочь дворянам.

3 ноября.

Говорят, что вчера порешена свадьба нашего наследника на Маргарите Германской. Об этом говорят на бирже.

6 ноября.

Был Кушелев. Говорил, что царица последние дни что-то невесела, что возможно, что ее тревожит предстоящая женитьба цесаревича на Маргарите, которая очень нехороша собой. И наследник невидный. Это навело Кушелева на мысль, что у нас вырождаются царские типы. Он сказал также, что цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет встать, говорит же очень приветливо и развивается физически, но не умственно. (*Наследник – Николай II*) Сегодня гусарским парадом командует вел. кн. Павел Александрович.

8 ноября.

Завтракал Moulin. Он встревожен слухами, что наследник будто бы женится на сестре германского императора, говорит, что эта свадьба оттолкнет от нас Францию.

9 ноября.

Завтракал у меня Орлов из дворца вел. кн. Николая Николаевича. Говорили много про Болгарию. Он не того мнения, что война была грустной ошибкой, но он находит, что последствия ее были губительны для Болгарии: создание там конституции, там, где нет мало-мальски образованных и грамотных людей, затем те русские генералы, которые туда посылались, – они были или нули, или бесчестные люди. Один был порядочнее других – Кантакузен, но все-таки в нем греческая кровь. Каульбарса он считает младенцем, невменяемым, который только думал при поездке в последний раз в Болгарию сохранить из 12 тыс. франков, которые ему дали, половину для своей семьи.

Говорили про Драгомирова. Орлов рассказывал, как на экзаменах относился Драгомиров к офицерам. Одному сказал: «Нужно же было вам ехать из такой дали (из Восочной Сибири), чтобы нам лапти плести». Другому сказал: «Знаете вы русскую песню «Огород городить?» Тот отвечал, что этой не знает, а знает другую – «Камаринский мужик». «Находчивы, – сказал на это Драгомиров, – поставьте ему вместо нуля единицу». И много в таком роде случаев. Офицеров Драгомиров не любит, а солдат называет честнейшими, вернейшими слугами царя и отечества. Однажды Драгомиров встретил генерала, который не заметил, что проходивший солдат отдал ему честь, и не поклонился. Драгомиров остановил генерала и сказал ему: «Вам кланяется честнейший человек, вы ему не отвечаете, а небось низкопоклонничать перед начальством, заходить туда разными ходами, – вероятно, вы все это проделываете».

Много мы толковали и про Скобелева, который приказывал носить свою шинель и постель на бастион. Все думали, что он там спит, а он преспокойно проводил ночь в своей палатке с женщиной.

10 ноября.

Рассказал Комаров причину болезни вел. кн. Николая Николаевича (рак на щеке), которую так скрывают его приближенные. Когда была объявлена помолвка сына вел. князя, Петра, Числова так рассердилась на него, упрекая его, что сыну невесту нашел, а ее дочери нет, неожиданно для него бросилась на него и дала ему пощечину. Он не удержался, ударился щекой об острый угол камина. С тех пор у него заболела щека и явилась раковидная опухоль, затем рак. Долгое время у него был синяк и он никуда не мог показаться. Все это Комаров рассказал за достоверное.

Про Филиппова сказал Комаров, что он всюду повторяет, что Россию господь наказывает долголетием митрополита Исидора.

11 ноября.

Комаров насчет актрисы Мокур рассказал, что будто ей стоило 70 тыс. доказать Лейхтенбергскому неверность его жены, и доказать это фактически, на деле, на месте преступления, что поэтому произошла драка между принцем и вел. кн. Алексеем, а затем они сделали друзьями, и жена была уступлена.

Вчера на похоронах Градовского студенты не хотели допустить лицейстов нести ордена. Коркунов их убедил отдать им один, св. Анны, который Градовский получил за службу в лицее.

Принес Жаконе вырезку из «Times» от 15 ноября, где пишут, что государь дал три месяца непростого отпуска Победоносцеву. Поводом к этой немилости послужило религиозное гонение так долго бывшего всемогущим прокурора Святейшего синода. Оказывается, что во время пребывания царя в Копенгагене он получил памфлет m-г Дальтона, где он пишет, каким гонениям подверглись балтийские лютеране по приказанию Победоносцева. Говорят, он был глубоко возмущен рассказами, каким страданиям подвергаются лютеранские пасторы; высказал это в разговоре с датским двором, и его убеждали там, чтобы гуманнее обращаться со всеми, кто не принадлежит к православной русской церкви. Государь в ту минуту ничего не обещал, но, по-видимому, остался под впечатлением того, что слышал. И вот 14 дней спустя после своего возвращения в Россию он написал собственноручное письмо к обер-прокурору, где дает ему три месяца отпуска, с тем чтобы он это время употребил на приготовление полного и убедительного ответа на памфлет Дальтона. Несколько раз Победоносцев старался добиться аудиенции у государя, но в ней ему было отказано и сказано, что царь его не примет, пока он не подаст свою оправдательную записку. О немилости

сти к Победоносцеву говорили уже более месяца тому назад и тоже называли мотив – ответ его Евангелическому обществу, т. е. пастору Дальтону, и ответ Дальтона на его письмо.

Жаконе того же мнения, что свадьба наследника с Маргаритой может иметь дурные последствия. Нехорошо поступил наследник: был в Вене и не заехал с визитом к императору.

Лицейсты сегодня говорили, что конституция, написанная Градовским, лежала у Толстого в шкафу в его кабинете и, когда Толстой проходил мимо этого шкафа, он всегда от него отворачивался.

26 ноября.

Вчера умер Ляский (Международный банк). Акции банка сразу понизились до 35 руб. Что значит один человек!

Вчера Куропаткин ездил к Вышнеградскому требовать 40 млн. на военные нужды. Несмотря что все говорят о мире, – готовятся к другому.

Про Министерство путей говорят, что Гюббенет путается, не знает многого и дела идут там не блестяще.

Батьянов обнял Moulin за прием, который был сделан ему в Париже. Ему все там показали, Соссье даже специально для него сделал смотр с ружьями и бездымным порохом. Батьянов находит, что французы совсем готовы, что умеют отлично ходить, что в них есть боевой дух. Соссье – умелый, дельный генерал. Немцы, по его мнению, не пошли дальше 1870 года, в них чувствуется, что они не желают войны, относятся к ней равнодушно.

Сегодня рассказывали, что германского императора немцы не берут всерьез, что он слишком любит *les aventures* (Авантюры (*франц.*)), его министры никогда не знают, когда они завтракают в Берлине, в каком городе они будут обедать.

Moulin говорит, что в последнее время французское правительство недоверчиво относится к России, что толки о свадьбе наследника тревожат Францию, а также сделанное царем приглашение Вильгельму приехать весной на охоту, затем на маневры в Красное Село.

Был на этих днях Нисси. Жаловался, что их японская конституция причиняет немало хлопот – пересмотренные послами торговые трактаты она не утверждает, являются недовольные выскочки, которые тормозят дело.

На днях был вечер у Гирса (в день провозглашения республики в Бразилии). Кампо-Саградо высказался, что боится, что в Испании будет тоже скоро республика. Стали рассуждать, где будет затем. Решили – в Италии, затем в Германии, в Австрии, а Россия, по словам Кампо-Саградо, только запретится со всех сторон и не впустит к себе ни одного иностранца после этих событий.

30 ноября.

Вчера Романченко рассказывал, что у Дурново нет выдержки Толстого, он прост, обходителен, но по временам страшно вспылит, делается весь красный, страшно кричит. Рассказал также, что камердинер государя Вельцин пользуется царским большим доверием, творит много добра, но государь ему всегда говорит: «Чтобы Воронцов не знал». Акции Воронцова не так хороши, как прежде. Черевин его теперь не жалуется и говорит, что легче три обеда съесть, чем дело сделать с Воронцовым. Воронцов зазнался. В день рождения царицы от войск гвардии приехал ее поздравить помощник вел. кн. Владимира Ребиндер. Воронцов вышел к нему, выслушал поздравление, затем объявил, что он не приглашен к завтраку, и Ребиндер должен был уехать.

Про Драгомирова продолжают рассказывать ужасные вещи. Что он будто поцеловал руку лакею в гостинице. Также говорят, что, выходя из номера вечером, он приказал дежурному вестовому лечь у себя на диван в передней, но тот лег на пол и коврик положил себе под голову. Вернувшись домой, Драгомиров увидел это и на другой день распек полкового

командира, что солдаты не исполняют приказаний. Начальника дивизии Дандевилля, который представлялся ему, он принял так: вошел в приемную, встал у окна, затем повернулся, увидел Дандевилля, спросил, зачем пришел, сказал, что, когда нужно будет, он его позовет, повернулся и ушел. Все это уже написано в «Figaro». Moulin говорит про Драгомирова, что это только сначала он делает небольшие промахи, что Драгомиров гений, которого отечество не понимает, что он единственный из воспитывавшихся и воспитывающихся в академии в течение 56 лет получил золотую медаль.

Вел. кн. Владимир отказался от кавказского наместничества.

3 декабря.

Умерла скоропостижно Числова. Вел. кн. Николай Николаевич очень огорчен. Напечатано про нее, что «Николаева» умерла. Вчера наш священник говорил, что по распоряжению вел. кн. он открывал и в Николаевском дворце, и в церкви Благовещения царские врата, служил молебен о болящей Екатерине, на котором были Орлов и два сына Числовой от вел. князя.

Рассказывают нам, что вел. кн. Алексей расстроен, что у него седеют волосы: сидит перед зеркалом и с остервенением выдергивает их то из головы, то из бороды.

5 декабря.

Мокринская рассказывала подробности смерти Числовой. Вел. князь уже с ней был в холодных отношениях с лета, видел ее изредка. В день ее именин, 24 ноября, заходил к ней на 10 минут. Он хотел уже ехать по случаю своей болезни (костоеда в деснах) в Соренто. Решено было, кто будет его сопровождать. Это путешествие ускорило смерть Числовой, которая страдала раком в пищеводе, – она умерла голодной смертью.

В это же время жена вел. князя, Александра Петровна, чудит в Киеве. Устроив свой монастырь, она решила туда переселиться. Монастырь находится далеко от ее дворца. Она решила, что ее перенесут в эту обитель, и не иначе желала, как чтобы ее несли женщины, так как она уже несколько лет притворялась, что у нее нет ног. Это своеобразное шествие совершилось в 4 часа ночи. По глухим улицам Киева ее понесли бабы, сопровождал ее Томара (киевский губернатор). Подходя к монастырю, она вскрикнула: «Кажется, свершилось чудо, я чувствую, что могу ходить!» – встала с кресла и вошла в монастырь. Тут же она телеграфировала государю: «Господь совершил чудо. Я получила ноги». Это она проделала комедию. Этой вел. княгине государь дает ежемесячно 14 тыс., своих она имеет 4 тыс. в месяц, но она вся в долгу и третий месяц никому не платит во дворце. В Киеве ее поставщики отказались ей поставлять, всем она должна, и теперь над ней назначена администрация.

Числова же оставила большое состояние, больше миллиона. Вел. князь ей много давал и денег и подарков. Когда ее выслал покойный государь в Венден, он ей дал 500 тыс., а каждому из детей по 100 тыс., что составило 400 тыс., так как их четверо. Вел. кн. Михаил был весьма нежен во время ее смерти с братом; при нем эта смерть была объявлена Николаю Николаевичу, который это известие принял относительно спокойно.

7 декабря.

У вел. кн. Владимира Александровича болит щека, это нехорошая болезнь, которую он получил от жены, давно уже болеющей этой болезнью. Рассказал это гр. Толь, мать которого всегда дружески принята в этом дворце.

14 декабря.

Сегодня были у митрополита. Он вспомнил про бунт в Петербурге 1824 года. Рассказывал про Петербург того времени, что, где теперь Конногвардейский бульвар, был канал и

вплоть до дворца можно было ездить на лодках, что, когда Шульгин из Москвы был переведен в Петербург обер-полицмейстером, с ним переехало в столицу много темных людей, которые устроили себе под дворцом из досок на воде жилища и там укрывались от преследований. Во время бунта Московский полк стоял развернутым флангом от Сената до дворца. Против памятника Петру I был тогда мост на ту сторону. Чтобы можно было его разводить, вырубали с двух сторон лед, и туда-то во время бунта было брошено много тел, даже полуживых. Опять вспомнил митрополитов Серафима Петербургского и Евгения Киевского, как последний на извозничьих санях со своим дьяконом Прохором не мог прямо вернуться во дворец, а поехал, с Прохором на запятках, через Гороховую и Фонтанку, и тогда уже во дворец, бывши в полном облачении. Как он сам вечером, бывши тогда иеромонахом, приводил студентов семинарии к присяге Константину, а через неделю без всяких объяснений тех же студентов должен был вторично заставлять присягать Николаю. Что император Николай 14 декабря пошел в народ, чтобы узнать, будет ли народ его недружелюбно принимать как императора, но увидел, что в народе нет к нему недружелюбных чувств. Солдаты Московского полка отвечали, что им приказали офицеры не присягать, так как обижают их царя. Рассказал, что все казненные до казни исповедались сердечно и раскаялись. Один Пестель не захотел причаститься.

15 декабря.

Звегинцев рассказал сегодня, вернувшись от Грессера, что будто государь очень встревожен, что ежедневно на Александровской колонне перед дворцом вечером появляется над колонной вензель «Н», что это якобы предзнаменование, что царь скоро умрет. Второй его же рассказ, что отец Иоанн предсказал, что будет мор в Петербурге, и его поэтому хотят засадить. Капиталы, собранные на сооружение храма на месте кончины царя, все раскрадены. Конференц-секретарь Академии Исеев должен был оставить свое место. Председателем этой комиссии был вел. кн. Владимир, он и до сих пор там считается – но делом совсем не занимался. Все говорят об этом вопиющем деле.

19 декабря.

Фесенко вчера рассказывал, что Драгомиров подошел к караулу, стоявшему у его дома в Киеве, приказал им сойти с мест, затем дал несколько других команд, которые были исполнены солдатами, не понимающими, чего от них требуют. Драгомиров тут же позвал начальника солдат и, высказав ему, что солдаты не знают своих обязанностей, что с места не смеют сходить, отдал их под суд. Узнав об этом, в Харькове стали учить солдат, чтобы, стоя на посту, не слушались команды Драгомирова. Когда он захотел, чтобы сняли у него почетный караул, его никто не захотел слушаться. Он схватился за голову и, бегая по комнатам, кричал: «переучили». Без конца все рассказы про этого взбалмошного генерала.

Романченко сказал, что слышал, что все деньги вышли, но что растраты не было. Что Исеев ушел из-за ссоры с академиком Якоби, который обнаружил многие его злоупотребления, и сам должен был оставить Академию. Насчет уездных начальников теперь пришли к тому, что цензы земельный и образовательный не обязательны, что Министерство внутренних дел может утверждать в этом звании и лиц, не имеющих оных, а тем, кто получает пенсию и поступает на это место, пенсия сохраняется.

21 декабря.

Сегодня было много народу. Фесенко говорил, что видел Исеева – ходит мрачнее тучи, ужасно имеет несчастный вид. Про него ходят очень дурные слухи, будто подделал подпись вел. кн. Владимира, много накрал и проч., но все может быть и раздуто. Когда у нас начинают на кого-нибудь нападать, то мер нет.

Говорили о покойном императоре Вильгельме, который был очень доступен, и все, кто хотел, имели к нему доступ и могли вести с ним откровенную беседу обо всем. Теперешний Вильгельм, благодаря тому, что социальный дух сильно развит в Германии, должен жить суетливо, так, как живет: всюду показываться, говорить так много и проч. – иначе его не будут долго терпеть.

Батьянов говорил, что получил конфиденциальный приказ по дивизии, чтобы полки не здоровались с вел. кн. Марией Павловной. Он этот приказ сообщил полковым командирам, и один из них издал конфиденциальный приказ по полку, который был всеми прочитан.

Любимова сказала, что Феоктистов ужасно желает дать предостережение «Гражданину», но не может ввиду сильной поддержки, которая у него в министре. Правда, Мещерский яро отстаивает в своей газете все то, что теперь вырабатывает Министерство внутренних дел.

23 декабря.

Утром был Самойлович. Рассказывал подробности дела Исеева, который, оказывается, очень виноват. Всю историю поднял из личной мести академик Якоби и повел ее через Воронцова, который и сказал об этом государю. Якоби тоже поплатился за это, потерял место в 4800 руб. и казенную квартиру, а сам бедный человек.

25 декабря.

В «Temps» помещены две депеши. В одной из них говорится, что будто бы в Гатчинском дворце был взрыв газа и представляют государя трусом, что он очень испугался и проч.; в другой – будто бы царя отравить хотели. Moulin уверен, что это немецкие депеши, которые некогда появлялись в «Standart», а теперь переехали в «Temps», также и «Republique francaise».

27 декабря.

Жаконе приходил рассказывать Е. В., что все иностранные газеты полны бессмысленными вымыслами насчет покушений на жизнь государя, что делаются в Петербурге будто бы ежедневные аресты и проч. Все это придумывают немцы, чтобы волновать умы и чтобы эти «утки» перепечатывались во Франции. «Journal de S.-Petersbourg» в прошлую пятницу даже нашел нужным официально опровергнуть все эти глупости. Но вряд ли немцы умолкнут.

Moulin читал в одной немецкой газете, что цесаревич пламенно влюблен в сестру германского императора Маргариту, но ее брат, император Вильгельм, не соглашается на эту свадьбу, так как сестра, если выйдет замуж за цесаревича, должна перейти в православие, но что наш государь согласен сделать уступку, чтобы она не меняла веры. Все это так глупо выдуманно.

Умерла от инфлуэнцы Августа, жена императора Вильгельма, старика, которой были посылаемы мужем во время франко-прусской войны 1870 года депеши о прусских победах, и на эти депеши сочинил здесь кто-то следующие глупые стихи: «Милая Августа, вокруг все пусто. Еще одна такая победа, и я один к тебе приеду». Теперь в Германии остается одна вдовствующая императрица. Говорят, этот траур не помешает балам.

30 декабря.

Вечером сидел Романченко. Дурново, вернувшись с царского доклада, сказал, чтобы ему подали журнал «Русская мысль», где государь прочел рассказ о часовом Короленко, который ему очень понравился. Григ. Данилевский просил Дурново представить его последнее сочинение царю, но Дурново переслал это сочинение Воронцову.

1890 год

2 января.

Обедали Петровы-Батуричи. Она ругала начальника своего мужа, Т. Филиппова, много про него порассказала. Из ее слов видно, что он незаконный сын ржевского почтмейстера. Над ним сжалился тверской архиерей Филофей, взял его к себе, обучал его в училище, и он с грехом пополам кончил учение в Московском университете. Этому же самому Филофею, когда он был киевским митрополитом, в темном деле некоей Булак Филиппов смешал с грязью. Своей родной сестре, живущей в крайней бедности на Песках, он не дает ни гроша, а занимается с женой благотворением чужим, чтобы о них говорили. Чиновников своих, которые ему не кланяются подобострастно, он притесняет. Всем чиновникам велел вернуть даровые билеты на проезд по железным дорогам, если таковые у кого-либо находятся, сам же, когда едет в Москву, посылает Батурича устраивать ему купе.

3 января.

Говорила с Moulin. Он сказал, что, очень вероятно, скоро в Европе будет больше республик, чем царств и королевств. Я заметила, что это будет по примеру Франции. Он на это отвечал: «Англия первая обезглавила своего короля, а теперь она учредила род республики, в которой существует королева, так же как у нас президент, только во Франции он избирается, а в Англии президентство наследственно. Это могло произойти благодаря холодному темпераменту англичан, мы же, французы, слишком кипучи».

4 января.

Вечером была Верочка Мокринская. Говорила, что Воейков застрелился. Он был то же, что Мещерский («Гражданин»); у него была история такая с солдатом, что две недели тому назад в манеже полка нашли мертвое тело мальчика из кондитерской Иванова. Все это связывают с историей Воейкова.

7 января.

Был Moulin. Говорил, что дело ружей, т. е. заказа ружей во Франции, артиллерийское ведомство тормозит, так как если заказать там, то здесь будет меньше возможности нажиться, поэтому до сих пор не решили, какую систему выбрать. Во Франции ружье стоило бы 19 руб., а здесь 39 руб. будет стоить.

8 января.

Шипов вчера рассказывал, что Победоносцев, встретив его на выходе, сказал ему про его тетку, Шипову, инспектрису Смольного монастыря, что она задумала изменить церковный устав: во время рождественской обедни вместо праздничных стихов приказала петь «Достойную». Митрополит сегодня это подтвердил. Она запретила петь именно место, где говорится: «Всякий младенец мужеска пола, разверзающий ложесна», найдя это неприличным для девиц. Владыка на это прибавил, что если ей позволить, то она запретит и «Дева днесь рождает» и проч.

17 января.

Вчера Салов рассказывал слышанное им от Вышнеградского, который рано ушел с придворного бала и по этому поводу рассказал, что Рейтерну, когда он был министром финансов, покойный государь раз заметил, что он так рано ушел с бала. На это Рейтерн отвечал, что не мог оставаться долее, так дурно был настроен: при входе одна дама просила у

него ссуды в 500 тыс., затем другая просила простить ей 200 тыс., после этой третья просила подарить ей 300 тыс. Это его расстроило. Он думал, что не будет конца всем этим просьбам, и ушел. Государь сказал, что в таком случае лучше, чтобы министры финансов вовсе не появлялись на балу.

19 января.

Батьянов принес известие, что вел. кн. Михаил Николаевич накрыл свою жену с Петерсом (уже 15-летний роман). Подвели сыновья. Петерс уезжает в 2-месячный отпуск, а Михаилу Михайловичу разрешено жениться на гр. Игнатьевой.

20 января.

Вчера Вишняков рассказывал, что в одних областных «Ведомостях» прочел, что вернулся губернатор с ревизии с дамами. Тут же он рассказал, как путешествовал по Волге вместе с Т. Филипповым, который ехал на ревизию со всей семьей, с няньками. Всех кормили чиновники, возили его в увеселительные заведения и проч.

23 января.

Молодежь рассказывает, будто вел. кн. Николай Михайлович хвалился, что Петерс им помог накрыть его с их матерью. Видно, она ему надоела. Но каковы нравы! Государь на последнем балу остался недоволен некоторыми офицерами, которые после ужина начали танцевать без перчаток. Он заметил это полковым командирам, и на следующий день офицеры Рамзай, Кропоткин, Мятлев и Звегинцев были посажены в комендантскую. Звегинцев, когда играли польку, начал танцевать венский вальс, что возмутило государя. Он сказал, что их фамилий не желает знать.

24 января.

Мокринская принесла массу новостей из Николаевского дворца. Говорила, что Александра Петровна разошлась с попом своим, который теперь привлечен к ответственности: он распоряжался ее деньгами, которых она имела в месяц 18 тыс. руб., никому их не платил, а в Киеве купил себе несколько домов. Александра Петровна предлагала попу постричься в монахи или пойти священником в ее обитель. Он отказался перейти в киевскую епархию – отсюда разлад.

Вел. кн. Николай Николаевич уехал с дочерью в Ниццу. Когда еще он был здесь, то в своей дворцовой церкви становился с 4 детьми Числовой и их бабушкой (кухаркой некогда на почетное место, и вместе все подходили к кресту. Старшей дочери священник целовал руку, как особе царской фамилии. Все это крайне бестактно.

Богарне делали в Париже вторую операцию рака, ездил доктор Славянский.

За Алексеем здесь настоящая охота. Все ищут его поймать, а каждую ночь к нему являются дамы нашего монда, которых он удостоит пригласить.

Говорят, что после свадьбы на Игнатьевой вел. кн. Михаил Михайлович получит название светлейшего кн. Екатеринославского, так как у него имение в этой губернии.

27 января.

Говорили о новом труде Бильбасова «История Екатерины II». Цензура не пропустила 80 страниц, затем специальный совет вычеркнул только 17 вместо 80 страниц, а государь – всего три места, но велел назначить подороже продажу – по 5 руб. за то, чтобы было менее доступно.

Г. П. Данилевский прочел целую лекцию по истории, доказывал, что Екатерина II повенчалась с Потемкиным, что при венчании было 5 свидетелей, которые при воцарении Павла сожгли полученные грамоты, но осталась одна, и Бартенев («Русский архив») знает, где она находится, но государь ему сказал, что ее обнаружить рано.

28 января.

Салов принес известие, что вчера вечером умер Валуев. Как этот человек был испытан судьбой, какое это было некогда величие – все перед ним преклонялись. Сгубила его семья, и вконец сгубил сын, которого он обожал, оказавшийся ужасной дрянью. Последнее время отец получал 23 тыс. содержания, тратил на себя 3500, а остальными деньгами уплачивал неоплатные долги этого сына.

30 января.

Покойный сам при жизни написал объявление о своей смерти. Он потребовал, чтобы его хоронили в сюртуке, не несли бы за ним ордена и не выставляли бы их в церкви. Многие упрекают Валуева, что он в своем предсмертном распоряжении не отрешился от своей всегдашней привычки рисоваться, упрекают его во фразерстве и говорят, что это его и сгубило. Но все единогласно признают в нем государственного деятеля, много поработавшего в былое время; говорят, что при нем введены все реформы внутренние прошлого царствования, что история будет говорить о времени управления им Министерством внутренних дел. Последнее время Валуев жил отшельником, мало кого видел, все болел и умер от истощения. Думаю, что он был высокого самолюбия и его угнетало, что его не призывают к делу, не спрашивают его советов. Небольсин говорил А. И. Бутовскому, что Валуев оставил письмо на имя Половцова, где просит царя, чтобы его похоронила казна, а тот же Небольсин был возмущен нарядными саями и рысаком, на которых уехал сын Валуева после похорон отца.

10 февраля.

Телеграмма из Берлина извещает, что на выборах взяли верх социалисты, – плачевно. У нас теперь все заняты плясом, так не до того. Постом на это взглянут серьезнее.

12 февраля.

Веселитский-Божидарович рассказывал, что американцы ополчились против России: сыплют на нее обвинения за ссыльных на Сахалин, за наши тюрьмы, находят, что мы с ними варварски поступаем. К ним примкнули англичане и партия, которая к нам дружелюбно относилась до сих пор, именно партия Гладстона. Газета «Pall-Mall» выступила уже с ужасной статьей против России и будто Гладстон сам собирается об этом говорить на митинге.

19 февраля.

Протестантский пастор Дальтон, известный всему Петербургу, сказал речь, в которой назвал Петербург немецким городом. Рассказал, как один сановник приезжал к нему приглашать его для подачи совета и утешения своему брату, православному, и сказал ему, что наши священники и митрополиты к одному только способны – служить обедни.

Анекдот про Вышнеградского, будто он ищет новый предмет, чтобы обложить его пошлиной, и не находит. Ему предлагают обложить разговор. На это он отвечает:

«Мне это будет невыгодно. Мне придется платить большую пошлину».

11 марта.

Много говорили сегодня с Шидловским. Он смотрит, что вся Европа будет в руках социалистов, что это пойдет постепенно, что европейская цивилизация теперь будет идти

к упадку, что был стимул – христианская вера, которая довела Европу до теперешнего развития, но теперь замечается страшный упадок религии, и для развития цивилизации надо что-либо новое, что повлияло бы на народ. Тяжелое время переживают государи всех стран: с властью трудно расставаться, с неограниченной еще труднее.

13 марта.

Вот какие подробности пишет Е. В. про московскую студенческую историю. До субботы арестовано было 650 человек, теперь 30 уволены до августа, трех совсем исключили, а судьба 66-ти решается сегодня в совете профессоров университета. Поведение попечителя Капниста отвратительно, он всему виной. В субботу его называли публично дураком и закричали: «Пошел вон, невежа!»

У Суворина; который сегодня у нас завтракал, есть другие подробности: студенты Петровской академии взбунтовались за то, что раньше Юнге был к ним снисходителен, а затем стал придирается, сделался строг, запретил им игру на фортепиано и проч. Это все выдумки, по-моему. Петиция студентов еще требует, чтобы за ними не было полицейского надзора, права сходок и суда университетского и студенческого, чтобы не было ограничения в приеме в университет евреев. В Петербурге сегодня ждали сходки около университета. Суворин говорил, что у нас нет дипломатов, что вообще у нас нет государственных людей, что все это у нас люди заурядные и проч., что в Германии выдающийся был Бисмарк, что теперь оттуда можно ожидать сюрпризов, что французы – народ не серьезный, но работники дома, что Россия сделала глупость, допустив колонизацию немцев на юге, что мы за это ругаем немцев, а должны были бы ругать наших государственных людей, которые допустили это, что французы – не колонизаторы, что они любят Францию и их никуда не тянет, что это только отброски французов приезжают в другие страны.

1 апреля.

Н. П. Петров недоволен правительственным сообщением насчет беспорядков в университетах, находит, что оно, во-первых, запоздало, во-вторых, слишком кратко написано и, в-третьих, что, несмотря на то что так долго не писали, не могли в такой большой промежуток времени составить такое сообщение, в котором не было бы неточностей, как, например, исключено больше, чем напечатано. Из Харьковского ветеринарного института, например, уволено 39, исключено 6. Говорят, что Делянов, делая свой доклад государю о студенческих беспорядках, раньше говорил о милостях царя к молодежи и коснулся их неблагодарности. Царь будто его перебил и сказал, что очень сожалеет, что из мухи сделали слона, из пустяков – серьезную историю. Но тут не пустяки, так как из университетов исключено немало.

6 апреля.

Рассказывали, что в одно военное учреждение явились мужчина с дамой с просьбой им выдать оттуда секретные бумаги за деньги. Писари, к которым они обратились, смекнули дело, дали знать сыскной полиции, и их задержали. Писарям дали награду в 100 руб. каждому и орден св. Анны. В этой истории замешано два иностранных должностных лица, один из них – служащий в посольстве здесь и уже покинувший Петербург вчера.

7 апреля.

Рассказывали сегодня про историю кражи секретных бумаг. По указанию писаря полиция накрыла в одном доме на Конногвардейском бульваре капитана 2 ранга Шмидта в сообществе английского агента Герберта и морского германского агента Плессена, который уже уехал из Петербурга. Шмидт, оказывается, продал этим иностранцам за 1500 руб. план минных заграждений Кронштадта. Этот Шмидт месяца два тому назад уже продал план форти-

фикаций Кронштадта. Но тогда это не могли вполне ему приписать, но все-таки на него пало подозрение, его уволили со службы, следили за ним – и вот он вторично проделал такую же гнусную вещь. Теперь он сидит в Петропавловской крепости. Говорят, что пруссак гр. Йорк тоже замешан, что государю это неприятно.

Про вел. кн. Николая Николаевича, который теперь живет в Ницце, графиня Орлова писала Мокринской, что он там знается avec la plus mauvaise societe (С самым дурным обществом (*франц.*)), обедает у них и приглашает их на завтраки, что он увлекся одной 18-летней девушкой, с ней одной гуляет и разговаривает с ней на promenade des Anglais (Английском променаде (*франц.*)), но что у нее много папенок, маменек, тетушек и т. д., которые ее не оставляют, что еще больше воспаляет старого вел. князя. Другие пишут той же Мокринской, что эту девушку вел. князь высматривает для своего сына от Числовой, так как у нее миллион.

25 апреля.

Пономарев вспоминал про семью Анненковых, про мужей двух старших дочерей – Нелидова и Голицына. Нелидов громко назвал Анненкова дураком, был несносный человек, а Голицын был жулик. Он в Париже выдумал никогда не существующее общество «Разведения лесов в России», пригласил в это общество герцога Валлийского, роздал акции и себе оставил акций на 2 млн. рублей. Эти акции равнялись по стоимости простым бумажкам, денег все-таки у него не было. Тогда он со своим пособником Легони собрался в Лондон. Телеграфировал в лучшую гостиницу приготовить номер, вторую депешу послал – выслать экипаж, третью – меню обеда. В отеле их встретили с большим почетом – сам хозяин с зажженным канделябром провел их в номер. Голицын впоследствии сам признавался Пономареву, что в эту минуту у него было всего 18 руб. в кармане. На другой день он поехал в герцогу Валлийскому, который ему отдал визит, затем к одному знатному лорду, тот тоже отдал визит. Это подняло его значение и помогло заложить в банке ничего не стоящие акции за 196 тыс. франков. Затем он заказал себе 50 пар платья, 65 пар ботинок и, ничего не заплатив, уехал из Лондона прямо в деревню, где Пономареву говорил, что англичане только через 10 лет пришлют счет, а если он не заплатит, то опять только через 10 лет о нем напомнят, что так всегда делают англичане, если им не заплатят, но при этом не хотел дать адресов ни портных, ни сапожников.

1 мая.

Сегодня поехала к митрополиту. Швейцар хотел доложить, но предупредил, что занят, двусмысленно дав понять, что сегодня вторник, а по этим дням у него бывает какая-то дама. Говорят даже, жидовка, которая проделывает такие дела, что многие даже возмущены. Когда она бывает, никого не принимают.

10 мая.

Сегодня был у Е. В. камердинер герцога Лейхтенбергского. Рассказывал про жену герцога, что она встает в 11 часов вечера, до 9 часов утра не спит, а день спит. У нее 8 собак. Ночью приказывает из 12 кур вынуть печенки, сжарить их в сливочном масле и подать им. Собаки ежедневно истребляют 300 бисквитов, делают им куриные котлеты, самое изысканное меню, а дети (сын и дочь) едят на третий день то, что собаки не съели.

19 мая.

Приехал итальянский наследник. Государь его встретил. Когда они вместе ехали в Зимний дворец, кучер сдерживал лошадей, чтобы не давить народ. Грессер ехал сзади коляски государя и, видя это, в исступлении, с сжатыми кулаками, то в одну, то в другую сторону

поворачивался с возгласами: «Вот я вас». На это получал из толпы ответы: «А мы тебя». Маленький итальянец сидел испуганный около государя.

20 мая.

Про Дурново все говорят с улыбкой. Между прочим, его называют Чигориным (имя известного игрока в шахматы), так как Дурново делает шаг вперед и шаг назад, как Чигорин. Это – зло. Вообще мнение вся и всех, что Дурново глуп, но хитер и ловок обдeldывать свои собственные дела и дела близких ему людей.

Читала историю Петра Великого. Не мешало бы государю прочесть, особенно внутреннюю деятельность этого царя. Он умел выбирать людей, у него были помощники – не наши теперешние министры: Гирс – этот хоть честный человек, Филиппов – мошенник, человек без принципов. Вышнеградский – плут, Чихачев – купец не из безукоризненных, Дурново – глуп, Гюббенет – нахал, напыщенный и односторонний, Воронцов – дурак и пьяница, Островский – семинарист, Манасеин – про этого, кроме дурного, ничего больше не слышно. Вот люди, которые вершат судьбы России, окружают царя!

21 мая.

Толмачев рассказал, что Базилевская написала письмо митрополиту, где его просит не принимать Лизандер, которая его компрометирует и которой она заперла свою дверь; что Победоносцев с ней говорил и вполне разделяет ее мнение. Митрополит поступил бестактно: он это письмо показал Лизандер, которая теперь всюду кричит, что не пустит его больше к Базилевской, и продолжает ежедневно у него бывать. Ее даже зовут в лавре «мамзелью митрополита».

Вышнеградская рассказала, что, когда государь и царица посетили Елизаветинский институт, он заметил, что вместо лампадок были зеленые стаканчики, и сказал, что это рейн-вейнские рюмки.

25 мая.

Был Суворин. Он признает конец XIX столетия, который мы переживаем, временем неожиданностей, тяжелой, но интересной эпохой. Он уверен, что в эти 10 лет будет переворот всюду – или везде монархии, что сомнительно, вернее – республики. Сказал, что теперешние люди за 2–3 года совсем изменились, что у них есть много инициативы, что они совсем иначе работают, что это люди с убеждением, могут принести пользу, а если правительство их не поддержит, они будут хуже анархистов.

30 мая.

Рассказывают, что, когда Лизандер бывает в соборе во время служения митрополита, при входе она бойко идет через всю толпу к месту, где он служит, а при выходе подходит к благословению со словами: «Ну, благословите меня теперь чистенькими лапками». Все это делается с шумом и говорится громко. Что должен думать народ, который пришел помолиться в Александро-Невскую лавру и получить благословение митрополита, 90-летнего старца?

1 июня.

Н. П. Петров рассказывал, что баронесса Иксуль ему говорила, что нет хуже посольства, чем наше в Риме: ее муж – un gamolli (Страдающий старческим слабоумием, рамоли (франц.)), Розен – полное ничтожество, Мейендорф – тоже, а Баратова сами итальянцы просили оттуда убрать.

25 июня.

Уже с 10 июня живем в деревне. Сегодня были у Толстых. Сестра Толстого много рассказывала про своего брата Льва. Сказала, что он теперь спокойно смотрит на людей, которые расходятся с ним в мыслях и жизни, что образа у них в доме совсем изгнаны, но когда она попросила образ для себя, то ей принесли и повесили в ее комнате. Л. Толстой упрекал ее зимой, что она держит лошадей. Она – старуха, ходить много не может и из своей квартиры в Москве, около театра, на Девичье поле ездила к ним в карете, он же нередко приходил, истомленный, к ней пешком. Она его в этом упрекала и говорила, почему он не даст заработать бедным извозчикам. На это получила ответ: «Так, по-твоему, я должен идти в дом терпимости, чтобы дать заработать и этим бедным женщинам, которые тоже этим живут?». Она говорит, что брат ее не выглядит счастливым, что он внутренне тревожен, но что теперь в Ясной Поляне живет спокойнее. Когда он начал свои проповеди, жена его была страшно расстроена, и тогда она бежала из дома брата. Ему приказано брать ванны, но он их ни за что не берет, так как чужих услуг не желает.

27 июня.

Были все Толстые. Сестра Толстого живет в Белевском монастыре, где у нее есть свое помещение, в 30 верстах от Оптиной пустыни. Лев Толстой не в первый раз этой весной видел отца Амвросия. Его беседу с ним сестра его не слышала, но после нее Толстой менее стал нападать на монастыри и начал высказывать большее снисхождение к чужим мнениям. Художник Ге, который привозил к нему свою картину «Спаситель перед Пилатом» (эта картина по распоряжению Синода была снята зимой с выставки в Петербурге), имеет на Толстого большое влияние. Про Ге Мария Николаевна сказала, что он – настоящая лисица, которая льстит Толстому и его дочери Марье, которая совсем подпала под его влияние. Мария Львовна ничем интеллигентным не интересуется и не занимается, бросила все, чему училась, не говорит на иностранных языках. Она помешана на физическом труде, ежедневно доит 9 коров, стирает белье, моет полы, а маленьким детям нанимают гувернеров всех наций. Она училась, могла бы их теперь заменить. Лев Толстой проповедует безбрачие. Ему теперь 62 года, а у него двухгодовалый ребенок. Все это как-то странно, трудно все сразу сообразить.

28 июня.

Татьяна Толстая говорила, что на ее отца очень подействовало вступление в Оптину пустынь Бориса Шидловского, что с этих пор он снисходительнее относится к монастырской жизни.

29 июня.

Были Толстые. Татьяна Толстая все время говорила со своим братом Ильей о деньгах, что она очень нуждается в деньгах, что ей необходимы теперь рублей 200, чтобы заткнуть свои маленькие долги. Все выходило, что им обоим нужны деньги, это детям знаменитого Льва Толстого, который проповедует, что деньги нужны только для того, чтобы раздавать нищим, сам получает 30 коп. в неделю от жены и тратит в городе только 10 коп. на баню. Илья, 22-летний мужик, уже женат, серьезного в нем мало. Когда мы приехали, он сидел рядом с дядей и перед ними стояли 4 бутылки вина, в которых оставалось уже совсем мало.

2 июля.

М. Н. Толстая передала, что Лев Толстой говорил, каким образом произошло первое его отступление от церкви. Однажды один из его сыновей вошел к нему с его старым камердинером, держа в руках первоначальные зачатки Катехизиса. Книга была открыта на 6-й

заповеди «Не убий», где в объяснении сказано, что все убийства не дозволены, кроме казни преступников и убийства на войне. Это заставило Толстого призадуматься, найти, что это несообразно, и порвать впоследствии связь с церковью.

26 июля.

Сегодня приезжали все Толстые: и пироговские, и из Ясной Поляны. Мария Львовна тоже была. Она серьезнее своей сестры Татьяны, очень нехороша собой, но у нее доброе, честное лицо, которое к ней сразу располагает. Она имеет большое влияние на всех своих кузин, так как это любимая дочь своего отца, который у этой молодежи считается божеством.

17 августа.

В последние дни «Новости» перепечатали беседу одесского архиепископа Никанора по поводу «Крейцеровой сонаты» Толстого, которую он назвал «Беседой вне церкви». Но, говорят, Толстой критику на свои произведения не читает и не признает.

На днях у нас был сын Льва Толстого, тоже Лев. Он пришел как раз в ту минуту, когда мы читали «Беседу». Он, оказывается, о ней ничего не знал, а также не знал и о том, что в Нью-Йорке запрещено продавать «Сонату», что тамошние власти (в свободной стране!!) нашли ее безнравственной и вредной. Сын Толстого рассказал, что та дама, которая взялась переводить в Нью-Йорке «Сонату», писала им, что отказывается, так как содержание неприлично. В Дании «Сонату» тоже запретили продавать.

Дочь С. Н. Толстого, Верочка, провела на днях 8 дней в Ясной Поляне. Говорит, что Л. Толстой вполне поправился от кумыса. Гостей Льва Толстого в его семье называют «темными» и «дремучими». «Темные» – последователи Толстого. Они не приняты в семье, их только видит Л. Толстой, но они проходят через семейные комнаты. «Дремучие» – это уж фанатики учения. Они даже не проходят через комнаты, но впускаются через черные двери. О «темных» Толстые говорят, что они, по большей части, приятные люди, но в чем эта приятность состоит, объяснить не сумели.

28 августа.

Были у нас Толстые. Говорят, что Л. Толстой в последнее время много пишет. Разбор своей повести преосвященным Никанором он громко читал за столом в Ясной Поляне, и чтение вызывало у него громкий смех. Видно по всему, что это – человек неверующий, но он, видимо, имеет огромное влияние на молодежь. Наши Толстые, девушки, когда вернутся оттуда, снова принимаются чудить: не едят говядину, никакой птицы, относятся к церкви с пренебрежением и проч.

Толстые тоже говорили, что, когда Ге повез свою картину «Христос перед Пилатом» в Америку, Л. Толстой написал одному известному американцу свой взгляд на эту картину, где он указывает, что мысль Ге верна, что иначе нельзя было представить Христа. Они же говорят, что Ге нарисовал Христа со своего сына, который чрезвычайно неприятной наружности, и поэтому картина произвела на них неприятное впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.